
МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО
ДЕЯТЕЛСТВА

ЛЕОНИД
СЛОВИН

*Без гнева
и пристрастия*

Без гнева и пристрастия

повесть



ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО

— ...Со дня убийства прошла неделя. А я все еще в тупике и нуждаюсь в помощи. Особенно со стороны близких погибшего мальчика.

— Но каким образом? Все, что мы знали, вам известно!

— Я проработала следователем не один год, но, пожалуй, ни разу мне не было так трудно.

— Разумеется!

— Поэтому вынуждена задавать всем один и тот же вопрос. Всем, кто был близок к убитому... И теперь спрашиваю вас. Где вы были днем четырнадцатого?

— То есть в день убийства?!

— Да.

— Вы считаете возможным предложить этот вопрос мне? Мне?!

— Я не делаю исключений, дабы не быть заподозренной в предвзятости. Извините.

— И все-таки это уж слишком. Понимаете?

— «Когда я взвел курок, когда я целюсь... Нет для меня богов!» Читали?

— Чье это?

— Такубоку. Японский поэт. Исикава Такубоку. Итак...

— Хорошо. Это был вторник... Да, вторник. С утра мглистый, пасмурный. Проснулся по будильнику, как обычно. Сбежал в ванну. Оделся, разогрел завтрак. Попил чаю. Потом пошел на работу.

— Кто вас видел утром? Сын проснулся?

— Когда я уходил, он шел в туалет.

— Разговаривали?

- С ним? «Доброе утро!» — «Привет!» Все.
- Что можно сказать о ваших взаимоотношениях?
- На доверии. Самое главное. Но, конечно, не то, что у него с матерью. Она с ним с утра до ночи люлюкалась.
- Как вы были одеты в тот день?
- В куртке.
- В этой?
- Я всегда в одной. Костюм. Он и сейчас на мне.
- Что за работа была четырнадцатого?
- Как обычно. Каждый день одно и то же.
- Что еще?
- Работал до конца смены. По дороге домой зашел в столовую. Пиво. Разве угадаешь, в какой день случится несчастье? Все.
- У вас царапины на лице. Справа.
- Это? Собака. Знак дружеского внимания.
- Тоже четырнадцатого?
- Сейчас не помню.
- К врачу обращались?
- Зачем? Собака домашняя, выросла на глазах.
- Придется показать судебно-медицинскому эксперту. Припомните точнее дату.
- Может, шестнадцатого. Не болит — и не замечаешь. Скорее всего, пятнадцатого.
- Я считаю необходимым осмотреть куртку.
- Снять?
- Сделаете это в присутствии понятых. А сейчас начните, пожалуйста, сначала. И постарайтесь лучше вспомнить. По моим данным, четырнадцатого марта вы на работе отсутствовали.
- Но это было потом!

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ МАРТА. МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ

Казалось, плоские крыши Виршулишкес¹ с горизонтальными нашлепками, словно для вертолетных площадок, никогда не появятся.

В невыключенной рации рядом с передним сиденьем хрипели голоса:

- ...Несовершеннолетнего?!
- Да. В своей квартире...
- Оперативная группа?

¹ Жилой массив в Вильнюсе.

- Выехала. Сейчас должна прибыть на место.
- Кто возглавляет?
- Генерал Шивене. Старший следователь городской прокуратуры, старший советник юстиции...

Шивене смотрела в ветровое стекло. На невысоких холмах по обе стороны дороги белели подтаявшие за день полосы сугробов, но шоссе уже очистилось от снега.

Темнеть только начинало.

— ...На преступнике могли остаться следы борьбы, царапины, пятна крови...— предупреждала рация.— Обратите внимание на одежду. Не исключено, что разыскиваемый находится в зоне постов. Повторяю...

Еще не было ни следов, ни версий. Но дежурный следовал верному милицейскому правилу: бездействие всегда неоправданно и уж наверняка безрезультатно.

Впереди показались дома. Шивене взглянула на часы: теперь недалеко. Шофер выключил круговерт огня над кабиной, с разгона нырнул в лабиринт дворов и арок. У одного из корпусов Шивене бросилась в глаза группа людей. словно по команде, они повернулись навстречу машине.

«Газик» затормозил.

— Пирмин¹!— бросил шофер, оставаясь сидеть.

Шивене согнулась— при ее росте не так просто вылезать из низкой дверцы— и вышла первой.

На ней был черный костюм, белая блузка с кружевным платочком в нагрудном кармане— собралась на концерт. Сейчас никому, кроме нее самой, не было до этого дела.

Слово «убийство», растрепленное по буквам, казалось, шелестело на тротуаре: «у-б-и-й-с-т-в-о!»

Старший инспектор уголовного розыска— майор Репин², плотный, в кожаном пальто и шляпе, представил понятых— бухгалтера и референта республиканского правления общества «Знание». Понятые— мужчина и женщина— молча кивнули: бухгалтер, кроме того, приветственно махнул рукой: они где-то встречались.

— Сюда! К лифту!

Человек в короткой куртке, без шапки— хозяин квартиры— вошел в подъезд. Спотыкаясь, стал подниматься. У него был продолговатый, похожий на яйцо череп, вытянутое лицо, чуть сваленный набок нос, очки с толстыми стеклами. От лба к затылку посредине тянулась узкая лысина со свисающими по обе

¹ Пирмин (литов.)— вперед.

² Все фамилии, кроме Шивене и ее наставника Петраускаса, изменены.

стороны крутого свода жидкими волосами. На вид ему можно было дать лет сорок.

Шивене двинулась за ним. Следом, по одному, входили в лифт ее помощники: Антоновас — вчерашний стажер, теперь следователь городской прокуратуры, эксперт-криминалист Караева — грузная, рыжеватая, с неожиданными девчоночьими лицом и прической. Последним был бородач Альфонсас, судебно-медицинский эксперт. Он числился в отпуске, но кто-то уговорил его поехать вместо себя, принимая во внимание его покладистый характер и холостяцкий образ жизни.

Лифт поднялся на седьмой этаж.

— Здесь, — хозяин квартиры остановился у обитой дерматином двери. — Открывать?

— Откройте.

Вторым рейсом прибыли понятые.

У двери, внизу, Шивене заметила кусок не то пластмассы, не то плексигласа с острыми неровными краями. Она показала находку криминалисту, но Караева уже увидела сама. Подняла, продемонстрировала понятым.

— Похоже на кусок пластмассовой ручки от чайника или утюга, — Караева поднесла ближе к глазам. — Непонятно, как попал сюда.

Хозяин квартиры между тем уже несколько минут безрезультатно манипулировал ключами. По вертикали двери было врезано три замка, похожих на финские.

— Сейчас, гражданин следователь...

Шивене заметила, что он выпивши, хотя старается это скрыть. Дрожащим рукам никак не удавалось попасть ключом в замочную скважину.

«Гражданин» вместо «товарищ» резануло слух. «Случайная обмолвка? — подумала Шивене. — Или привычная формула?»

Он, наконец, открыл дверь, неловко шатнулся в сторону.

— Мне входить?

— Да. Ничего руками не трогайте. — Шивене он не нравился. — Поняли?

— Да.

— Где у вас зажигают свет?

— Справа, у двери. Зажечь?

— Я сама.

Она дернула шнур выключателя. Вспыхнул свет. Огляделась. Перед нею оказалась штора из нанизанных на нити небольших бамбуковых стаканчиков. Внизу — свеженатертый желтоватый паркет, циновка. Сбоку — тумбочка с телефоном и ящик с обувью. Входя в квартиру, ее обитатели переобувались.

«Кооперативная квартира с улучшенной планировкой...» — подумала Шивене.

Она осторожно отвела штору, стаканчики откликнулись переливчатым ксилофонным звучанием. Впереди — неширокий коридор, соединяющий прихожую с кухней.

— Разреши, Генуте? — коллеги Геновайте пользовались обычно ее коротким, уменьшительным именем.

Шивене посторонилась. Караева с фотокамерой выдвинулась вперед, прильнула к видоискателю.

Ослепительная вспышка света в коридоре. Потом они следовали одна за другой. Вид из прихожей на кухню. На комнаты. На двери. На стены. На пол.

Шивене прошла в коридор. Боковым (или верхним?) зрением отметила бурые пятна на стенах. Двери по обе стороны коридора. «В столовую? В детскую?» Еще двери напротив. «В туалет? В ванную?» Раскрытые дверцы антресоли вверху...

Главное же зрение было направлено на то, что лежало на полу, впереди, поперек коридора. Короткое, безжизненное, соединенное затянутым шнуром с ручкой туалета или ванной.

«Мальчик-школьник»...

Чуть ближе, рядом с трупом, она увидела кусок пластмассы, такой же острый, с зазубринами, как тот, что валялся у двери. Караева сложила их вместе:

— Это части целого...

Позади послышались переливы бамбуковых стаканчиков — хозяин квартиры схватился за штору.

— Вы первый обнаружили? — Шивене обернулась. — В какое время?

— В половине восьмого... — он, скорее по привычке, поправил очки. — Когда вернулся с работы.

— Когда вы заканчиваете?

— В пятнадцать тридцать.

— Куда-нибудь заходили?

— Так получилось... — пробормотал он невнятно.

— Вы проходили в комнаты? К мальчику? Как его звали?

— Геннадий. Оливетский Геннадий. У нас разные фамилии.

Нет, не проходил... — он хотел что-то добавить, но промолчал.

— А ваша фамилия?

— Паламарчук. Это мой пасынок.

— Сколько ему?

— Тринадцать. Нет, уже четырнадцать...

— Когда ваша жена заканчивает работу? — вопросы следователя были самые общие.

— В девять вечера. Она во второй смене.

— Дома днем никого не было?

— В это время Геннадий всегда один...— по вискам его стекал пот.— Только... ради бога! Не говорите пока жене!

— Она не знает?

— Ее вызвали с работы. Сказали, что Геннадий ранен. Сейчас она во втором подъезде, у соседей. К ней приехала «скорая»...— он вдруг замолчал, потом заговорил сбивчиво, чуть в нос:— Нельзя это так оставить, следовательно. Надо найти, покарать... Никак нельзя оставить...

Соседке по лестничной площадке на вид было не больше тридцати пяти. Крепко сбитая, круглая, похожая на небольшой прочный бочонок.

— Паламарчуки — наши соседи все годы...

— С тех пор как заселили дом?

— Все пять лет.

Перед тем как выйти к следователю, она чистила рыбу: рукава кофточки были высоко подвернуты, у запястья свинцово блеснула рыба чешуя.

Осторожно, чтобы не испачкать, соседка достала из нагрудного кармана сигарету. Майор Репин щелкнул зажигалкой, сунул ее назад, в карман пальто.

— Спасибо,— соседка рукой разогнала дым.

— Что у них за семья?

— Трое. Муж, жена, ребенок... Это ее сын от первого брака.

— Как они живут?

— Чужая жизнь! Сами знаете...

Шивене показалось, что она приуменьшает степень собственной осведомленности.

— У них всегда тихо. Идешь по площадке — и будто вымерла квартира. Будто никого в живых.

— Заходите к ним?

— По крайней необходимости. Как и они к нам. Спички кончились, телефон не работает...

— Посторонние их часто навещают? Родные, знакомые?

— Можно сказать, почти никого не бывает...— чтобы не дымить на следователя, она отставила согнутые в локтях руки назад и чуть в стороны.— Только бабушка, ее мать. Еще два-три человека. Живут замкнуто. Даже новоселье не отмечали.

— А к мальчику кто-нибудь ходил?

— К нему ходили. Друзья, одноклассники. Бывает, иду к себе — кто-то звонит. Книгу взять или передать что-нибудь. Геннадий сначала обязательно в глазок посмотрит. Потом накинёт цепочку. Только тогда приоткрывает... Щелка у-узкая! Это отчим его вышколил!

- Паламарчук выпивает?
- Никогда не видела пьяным.
- Но сегодня он в явном подпитии!
- За все время был несколько раз навеселе.

Шивене показалось, что угрюмый Паламарчук вышколил не только пасынка.

— Да и то сказать! Люди работают... Дома не сидят. Оттого и тихо! Ольга, жена, — сменный инженер на фабрике. Сам Паламарчук — огранщик. Работа нелегкая.

- В чем он обычно ходит?
- Как сейчас. Костюм, куртка.

Снизу по лестнице поднялся второй инспектор уголовного розыска — Буславичус, длиннорукий, худой, с оспинами на лице.

Соседка заметила, словно оправдываясь:

— Паламарчук вроде невидный из себя, но физическая сила в нем!.. Исключительная! Я наблюдала, как он металлоломом ворочал у школы. А Геннадий — послушный. Из него веревки вить. На весь двор один такой — тише воды, ниже травы.

— Видели Геннадия сегодня?

— При мне пришел, — соседка сбила пепел с сигареты, и он хлопьями упал между перил. — Я стояла у подъезда. С коляской. Минут двадцать третьего. Все ребята уж прошли из школы. Тут и он идет.

— Один?

— Один.

— Помните, в чем он был одет?

— Как обычно. Школьная форма, сверху пальто коричневое. С портфелем.

— Вы долго еще были во дворе?

— До половины третьего. Потом ушла. Без пятнадцати четыре снова вышла минут на двадцать.

— Никого посторонних не видели?

— Нет! — видно, она уже задавала себе этот вопрос. — Пока я стояла, никто не приходил. Это точно.

— Паламарчука видели?

— Только когда зашел ко мне. В половине восьмого. Звонок. Думала, зять. Пока шла открывать, еще звонок. Сосед! Вошел, закрыл за собой дверь. Я сначала не поняла...

— Повторите, что он сказал, когда вошел, — попросил Буславичус. Инспектор уже заходил к соседке. Решив, что Шивене захочет получить начальные сведения из первых рук, он через Репина вызвал следователя на лестничную площадку. — Дословно, пожалуйста, то, что сказали мне, — он сбил на затылок жесткую дерматиновую шляпу, вытер платком лицо.

«У мужчин в милиции все-таки ужасные шляпы... — как о по-

стороннем, мимоходом подумала Шивене.— А вот женщины-следователи у них следят за модой...»

Соседка вздохнула:

— «Выйдите,— сказал,— посмотрите, что натворили, негодяи!»

— «Негодяи!» — Буславичус отметил последнее слово.

— Я выскочила. Дверь в квартиру Паламарчуков была открыта. Глянула!..

— Кто вызвал милицию? Он?

— Я,— она осторожно выпустила струйку дыма в сторону.— Главное, мать Геннадия буквально дрожала над ним! Будто предчувствовала! При первой возможности бежала домой... С работы звонила, узнавала...

— Где она сейчас? — спросила Шивене.

— В соседнем подъезде, если не увезла «скорая». Ей сказали, что Геннадий только ранен.

— Паламарчук просил не говорить?

— Умолял! — соседка взглянула Геновайте в глаза.— У матерей, говорят, сердце вещун... — она намекала на то, чего не решалась произнести.

— Когда вы входили к Паламарчуку, вам ничего не бросилось в глаза? На полу, у двери... — спросила Шивене.

— Кусочек смолы или стекла... Не знаю. Между прочим, когда Паламарчук звонил ко мне, его видел полковник-отставник с шестого этажа. Может, он что-нибудь знает...

— Он здесь?

— Уехал к детям. На Антакальнё. Перед вашим приездом. Разволновался... Наверное, там заночует.

— Вы — старший следователь Шивене?

Мужчина лет шестидесяти стоял рядом с девушкой-сержантом, дежурившей у входа в прокуратуру. Шивене увидела его сразу, войдя в подъезд. Она возвращалась с места происшествия усталая — всю ночь не сомкнула глаз.

— Я — Шивене.

От входа в коридор шла дорожка мокрых следов: на улице снова начало таять. Отпечатки подошв тянулись к следственным кабинетам.

— Я к вам... — мужчина пошел рядом.— Хочу поделиться соображениями по поводу вчерашнего убийства в Виршулишкес. Можно?

Геновайте мельком оглядела его. Седые волосы, седые аккуратно подстриженные усики. Худое лицо. Форменная синяя фу-

ражка с крабом, похожая на морскую. Длинный не по моде плащ.

— Прошу.

— Рабенау Анатолий Титович,— в кабинете он представился.— Между прочим, однажды имел честь видеть вас. Вы выступали перед общественностью... Но сейчас о другом. Я живу с Паламарчуком в одном доме.

— Знакомы с ним? Садитесь.

— И да, и нет. Спасибо. Не помню, как вышло... То ли он первый не поздоровался, то ли я случайно не сразу его заметил... Только получился парадокс. Не здороваемся, но разговариваем. Оба — члены правления кооператива. За последнее время имел возможность к нему присмотреться...— Рабенау осторожно, ладонью, погладил виски.

— Еще немного о себе, пожалуйста,— попросила Геновайте.— Вы пенсионер?

— Да.

— Живете с семьей?

— Один. Говорят, сейчас модны поздние разводы. Не знаю. По-моему, это чужь.

— Возможно.

— На разводы не может быть моды. И вообще на чувства — на любовь, на ревность. Другое дело, вещи, украшения...— он подтянул полы плаща.— Так вот. В свое время Паламарчук устроил под окнами цветник. Посадил кусты, деревья. Вначале все были ему благодарны. Ухаживал, поливал. Потом начал огораживать. Перестал людей подпускать. В один прекрасный день все обнес проволокой. Да какой! Осталось ток пустить! Как-то один мальчик залез в цветник за мячом. Вы бы слышали! Сколько угроз в защиту зеленого друга! Мать мальчика рассказывала — ночью бедняга даже обмочился от страха!

— Мне он показался скорее угрюмым,— заметила Шивене.

— Это есть. Он и на пасынка влиял. С Геннадием я часто разговаривал. В свое время пришлось работать с молодежью, заниматься самодеятельностью. В кружках. Я заметил, Геннадия все интересовало. Особенно сцена. Но заняться ею он не мог.

— Почему?

— Паламарчук и слышать не хотел: «Пустяки!» Если Геннадий читал стихи или приключения, опять: «Займись делом!» Мальчик, по-моему, его раздражал...— Рабенау помолчал.— Отчим старался навязать ему свое. И делал это без такта и педагогического чутья. Я сам слышал. Паламарчук — пасынку: «Иди на турник!» Геннадий: «Сейчас не хочу». — «Иди, я сказал!» —

«Пусть хоть люди пройдут...» — «Я кому говорю?!» Несколько раз Геннадий, по-моему, убегал...

Шивене неясен был приход Рабенау, пока тот не сказал:

— Я, знаете, всю жизнь мечтал о сыне. Но не довелось испытать чувство отцовства... — И, помолчав, продолжал: — Больше всего Паламарчук заботился о том, чтобы все было тихо. Бывает, идут вдвоем. Впереди Геннадий, позади отчим. У Паламарчука в руке хворостина. Все молча. Попробуй догадайся. Что у них было? А может, только предстоит.

— Геннадий не жаловался?

— Нет. Теперь о том, что меня привело.

— Я слушаю.

— Прошлым летом Геннадию купили велосипед. Отличная дорожная модель. Ездил он аккуратно. Чуть что — вынет из багажника тряпочку, протрет спицу или руль. Вообще мальчишка был аккуратный... На зиму, я видел, велосипед снесли вниз, в сарай. Вы сарай Паламарчука видели, в подвале. Велосипеда там нет?

— Нет.

— О чем я и говорю! В начале этого месяца или в конце прошлого встречаю соседа из шестого дома. Смотрю: несет велосипед. «Решил, — спрашиваю его, — заняться на старости?» — «Не себе, — говорит, — внуку!» — «Подержанный? Из комиссии?» — «Паламарчук продал». Я стал интересоваться: «Как? Почему? Может, сломался?» — «Да нет, цел!» — «А как же Геннадий?» — «Паламарчук сказал — ему ни к чему будет», — Рабенау внимательно взглянул на следователя, глаза его округлились. — Когда случилось несчастье, я вспомнил: «Ни к чему будет!» Понимаете? Отсюда я делаю вывод: выходит, Паламарчук знал, что этой весной Геннадию на велосипеде не кататься! Конечно, дело тонкое. Большую роль будут играть косвенные данные... Или вот еще: называл всегда почему-то только «Геннадий». Не «Гена»! Даже мать, и та — только полным именем!..

«О! Если бы Ионас работал сейчас вместе со мной! — Когда Рабенау ушел, Шивене вдруг подумала о Петраускасе, умнице, эрудите, влюбленном в следствие, — ее первом, рано ушедшем из жизни наставнике. Своим призванием Ионас считал именно расследование убийств в так называемых закрытых помещениях. — Как кстати оказались бы сегодня его типовые версии!»

Весь этот день вспоминался как механическое соединение неотложных следственных действий — допросов, необходимых формальностей, засыпаний на ходу, крепкого кофе, вопросов, ответов.

Геновайте пришла в себя только вечером, когда закрыла наконец кабинет и спустилась к машине. Каменный мешок двора был пуст. Большинство сотрудников уже разъехалось. Только с шестого этажа, из прокуратуры республики, доносился стук телебашни.

Задним ходом Шивене подала машину под арку. «Беда, когда приходится пятиться». Она не любила это делать. А однажды в результате опроса коллег-автомобилистов установила, что маневр этот вообще дается женщинам-водителям труднее, чем мужчинам.

Но сегодня все было удачно. Она загадала: если «впишется» сразу под арку, значит, с делом все получится. «Все получится!» Теперь она могла снова подумать о Петраускасе. Ионас, или Джонни, как называли прокурора-криминалиста молодые следователи, не только следил за всеми новинками в криминалистической литературе — Ионас свободно читал на нескольких языках — он разрабатывал собственные методики.

«Типовые версии Ионаса...»

Она выехала на Капсукас, сделала поворот. По проспекту к площади Гядиминаса двигался стремительный поток машин. Маленький красный «Жигуленок» Шивене увяз в нем.

«Джонни был уверен — преступники в одинаковых обстоятельствах действуют тождественно. Даже предложил что-то вроде матрицы или сетки, которую можно применить при раскрытии не похожих вроде бы одно на другое преступлений...»

На площади Гедимино она вышла из машины. Здесь было много народу. У кафедрального собора группа приезжих любовалась скульптурами. Шивене подошла ближе. Угловатые фигурки в рыцарских доспехах, с наколенниками и булавами, смешно вздымали руки и изгибались, словно куклы, которые кто-то невидимый и сильный заставляет принимать смиренные и унижительные позы. Особенно нелепо выглядела одна — с несуразно вздернутыми локтями.

— Скульптор хотел подчеркнуть тщетность попыток средневекового человека быть самим собой, его зависимость от судьбы... — объясняла женщина-экскурсовод.

Геновайте еще постояла, присматриваясь к окружающему.

Беззаботно и весело фланировали по площади подростки. В плащах и куртках, патлатые и стриженные, вихрастые и прилизанные, с гладкими подбородками, с пробивающимся пушком, безбровые и с бровями, сросшимися на переносье.

Высокая девочка, напомнившая Геновайте ее саму много лет назад, вела на ремешке низкорослую рыжую дворнягу, которой мальчишки вокруг оказывали всевозможные знаки внимания: гладили, трепали за уши. Девочка, мальчишки и дворняга нахо-

дились в состоянии непрерывного движения. Когда кто-то наклонялся, чтобы погладить собаку, другой в это время подбрасывал и ловил ключи, а девочка начинала крутить ремешок, будто собиралась прыгать через скакалку.

«Следователь — это призвание, — любил повторять Петраускас. Лицо Джонни, когда он говорил о любимом деле, становилось необыкновенно красивым, а улыбка грустной. — Абсурдно называть это работой, как нелепо сказать: «Я работаю солдатом!» или «Я служу в космонавтах!» Это образ жизни, бытие... И за все приходится платить полную цену. Я говорю: «Идите в следователи! Не думайте, что это всегда интересно. Будет ощущение и однообразного и тупого. Но будут и озарения. Вы почувствуете мощь интеллекта, локоть и мужество коллег. Познаете самих себя...» Геновайте и другие выпускники университета, не чаявшие души в Петраускасе, не всегда понимали его.

«Как я могла упустить?! — вспомнила вдруг Шивене, снова сядя в машину. — О типовых версиях говорили на служебных занятиях... Если бы я вовремя навела порядок в блокноте! Конечно! Методическое пособие. Я делала из него выписки... Надо дома все пересмотреть!»

Трудность заключалась в том, что блокнотами назывались по меньшей мере десятки записных книжек, служивших Геновайте в течение многих лет. Вначале она записывала в них понравившиеся латинские юридические формулы и выражения, потом там стали появляться итоги собственного опыта — схемы и мысли, которые могли облегчить труд.

«Надо ехать...» — она включила зажигание.

ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Типовая версия

Убийство в закрытом помещении (в квартире, в домашних постройках). С причинением, как правило, большого числа телесных повреждений в разных частях тела...

Вариант А

Убийство могло совершить лицо, находившееся в длительных конфликтных отношениях с убитым.

Возможный убийца — родственник. В том числе отчим, тещь, сожитель...

**Характеристика ученика
7-го класса Геннадия Оливетского**

За время учебы в школе Геннадий проявил себя с положительной стороны, как дисциплинированный, хороший ученик. По математике и физике обнаружил большие способности. Имел прочные знания по литературе, истории. Участвовал в школьных конкурсах по чтению стихов. Занимался в кружках художественной самодеятельности, ходил в плавательный бассейн.

В день своей гибели, 14 марта, был принят в члены ВЛКСМ.

Директор школы

Классный руководитель

ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Латинская юридическая фразеология

В больших делах требуется совет многих людей.

Слова всегда следует понимать в их более мягком смысле.

Кратчайший путь — самый долгий.

«Sine ira et studio». Без гнева и пристрастия.

Пока Шивене вписывала анкетные данные в протокол, сосед Паламарчуков по подъезду — грузный, подстриженный под «полубокс» отставник, не отрываясь, смотрел в окно. Геновайте допрашивала его в своем кабинете, в прокуратуре города.

За огромным, во весь кабинет окном стояло скучное осеннее небо, хотя наступала весна.

— Я действительно видел Паламарчука на лестничной площадке, — отставник тяжело дышал, словно после бега.

— Расскажите, пожалуйста. Вы ведь живете на шестом этаже?

— Да. Под Паламарчуками. В свое время оставили с женой квартиру детям на Антакальнё. Переехали сюда. Теперь кукуем вдвоем... Убийство мальчика не раскрыли?

— Нет.

Свидетель кивнул. Теперь они оба смотрели в окно — свидетель и следователь. По улице прошло несколько человек, один из них, оглянувшись, встретился глазами с Шивене. Огромное окно было неудобным во многих отношениях.

— У соседей наверху, кажется, не очень шумно бывало? — спросила она.

— Тишина, — отставник оживился. — Такая тишина — порой думаешь: хотя бы постучал кто-нибудь в пол или по трубе!

— Хорошая звукоизоляция?

— Не-е-т... Как вам объяснить? — он взглянул в окно. — В каждой семье как бы среднеобычная для нее температура. В одних всегда под сорок. В других...

— А у соседей наверху?

— Я бы определил как тридцать шесть с одной-двумя десятymi. Всегда тихо... Мы с женой недавно в этом доме, плохо знаем всех. Какие у жильцов с седьмого этажа проблемы? Чем живут? Это нам неизвестно.

— А что было четырнадцатого? — спросила Шивене.

— Я отдыхал, работал. Приводил в порядок записи... В половине восьмого собрался в гости. Наверху живет бывший редактор издательства «Вага». Хотел кое о чем посоветоваться. — Время от времени полковник делал небольшие паузы: смотрел в окно или просто сидел не шевелясь, давая себе короткий отдых. — Мотор... — сказал он виновато. — Когда поднимался, на седьмом этаже увидел Паламарчука.

— Вы поднимались в лифте?

— Пешком.

— Паламарчук тоже вас видел?

— Думаю, нет. Он шел к соседям.

— Вы заметили что-нибудь?

— Я и хотел сказать... Может, важно? Когда он проходил, что-то ударило об пол у двери. Я думал — ключ. Но звук более...

— Сильный?

— Гулкий. Невысокий удельный вес материала.

— Что же это было?

— Кусочек пластмассы. Видимо, Паламарчук держал в руке, потом бросил. Черный, небольшой. Он так и остался у двери.

Отставник снова взглянул в окно. Теперь там все чаще проплывали зонты. Шел дождь.

— Я больше не нужен?

— Еще вопрос. Паламарчук спешил?

— Не больше чем обычно. Позвонил соседке. Потом еще. Вошел в квартиру, закрыл за собой дверь.

— Вы не подумали о несчастье?

— Конечно, нет.

Но это все потом...

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ МАРТА. МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ.
ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСМОТРА

Трехкомнатная квартира Паламарчуков четко разделялась на две части. В двух комнатах — гостиной и спальней — жили двое взрослых, в третьей — подросток.

Мальчик занимал меньшую из комнат. Здесь он спал, готовил уроки. В углу, рядом с тахтой, стояло пианино. Из-за письменного стола выглядывала хоккейная клюшка. На столе лежали тетради.

Антоновас — вчерашний стажер — шепнул:

— Генуте, прошу... Я не в силах осматривать коридор. Уволь!

Это был его первый выезд на место убийства. Самой Шивене приходилось расследовать тяжкие преступления не раз. Сейчас об этом напомнили и часы на руке — подарок Генерального прокурора.

— Возьмите столовую и спальню, — она засекла время. — Приступаем!

В квартире было перевернуто почти все, что можно было перевернуть. Вещи валялись на полу. Дверцы, ящики, коробки были открыты. Сдвинута большая часть стекол, закрывавший полки и секции. Тем не менее ничто не напоминало о квартирных ворах — те, нанося ущерб, почти не оставляли следов.

«Словно намеренно создавали картину разгрома, — подумала Шивене. — Или что-то искали — вслепую, наугад, не заботясь о последствиях».

Паламарчуки жили обеспеченно. Секции и витрины дорогого — черного дерева — серванта были наполнены хрусталем. Когда в гостиной зажгли свет, отблеск хрустальной люстры мгновенно поселился в дальнем углу, на полке, чтобы потом со всех фотографий места происшествия ударить отраженной вспышкой огня.

Из открытого бара, сорванная дверца которого валялась внизу, на паласе, выглядывали горлышки бутылок. В спальне, на полу, были разбросаны бумаги, пластмассовые части разбитой ручки электрического утюга, выброшенная из шкафа одежда. Всюду виднелись пятна, которые в протоколах осмотра называют бурыми, а в жизни — кровяными или кровавыми. На стенах. На дверях туалета, ванной.

— Гражданин следователь, — обратился к Шивене Паламарчук. Она уже несколько минут чувствовала его тревогу. — Я хочу выйти из квартиры. — Он пригладил падавшие по обе стороны крутой лысой макушки волосы. — Можно?

— В принципе, да...— Шивене внимательно взглянула на него.— А что вы хотели?

Он замялся:

— В соседнем подъезде жена. Она волнуется. Я хотел...

— Может, вначале позвонить? Если ей сделали укол и она уснула, нет смысла беспокоить.

Он неохотно кивнул.

— Но у меня нет номера телефона!

Шивене попросила Антоноваса вызвать снизу оперативных работников. Появился Буславичус. Свою ужасную шляпу он опять сбил на затылок. Еще через минуту вошел Репин. В прихожей они провели небольшое совещание.

— Что с женой Паламарчука?— спросила Шивене.

— В больнице,— ответил Буславичус,— в очень тяжелом состоянии. Врачи опасаются за ее жизнь.

— Мне кажется, Паламарчуку об этом лучше пока не сообщать,— подумала Шивене вслух.— Новостей никаких?

— Коллеги обходят квартиру за квартирой. Никто из жильцов никого подозрительного во дворе не видел. Служебно-розыскная собака довела до ближайшей троллейбусной остановки и потеряла след.

— Сил достаточно?

— Вполне.

— Важно как можно больше узнать о семье мальчика и о том, кто мог их посещать!

— У Паламарчуков под домом сарай,— сказал Репин.— Как и у всех, впрочем. В подвале. Хозяин не говорил?

— Нет.

— Весьма оборудованный. С такими же крепкими запорами, как и квартира.

— Интересно,— Генуте задумалась.— Пожалуй, спустимся туда. А как быть с Паламарчуком? Он рвется к жене. Кто-то должен его успокоить.

— Я позвоню ему,— сказал Репин.

— Дайте три гудка и положите трубку. Потом снова наберите номер,— предупредила Шивене.— Я буду знать, что это вы.

— Вы не исключаете, что кто-то еще захочет связаться с Паламарчуком по телефону?— спросил инспектор.

— Не знаю. Но лучше все предусмотреть.

Репин позвонил через несколько минут.

— Женщине в больнице сделали укол,— доложил он.— Она спит. Будить врач не рекомендует... О сарае не забыли?

— Нет... Я передаю трубку ее мужу. Объясните сами.

Переговорив с Репиным, Паламарчук успокоился, но только на несколько минут.

— Могу я постоять у двери на площадке? — спросил он. — Так душно!

Антоновас открыл форточку, но Паламарчук больше не жаловался на духоту. У него появилась новая мысль:

— Я должен сам видеть, в каком состоянии жена! — он так и не успел окончательно протрезветь.

— Сейчас мы выйдем из квартиры, — сказала Шивене.

— Могу узнать, куда?

— В сарай.

— Зачем туда лезть? — он угрюмо взглянул на Шивене. — Там же пыль, грязь... И ничего ценного.

— Вы давно там были?

— Не помню... — он снял очки, протер толстые стекла. — Кажется, недавно. Но зачем? Не могу вспомнить...

В сопровождении оперативных сотрудников они спустились вниз. Подвал оказался длинным, с узким зигзагообразным проходом под всем домом. По обе стороны его тянулись двери клетишек-сараяв. За Репиным шел Паламарчук, показывавший дорогу. Сзади гуськом тянулись остальные. Последней шла Шивене.

«Знаешь, о чем я всегда думаю перед началом осмотра? — сказал однажды Петраускас. — О том, что это не шахматы! И тот, кто делает первый ход, обречен. Нельзя совершить преступление, не оставив следов. Но и мои ошибки — следователя — тоже начинаются здесь. Таково правило. Не спеши, — всегда твержу я себе, — как бы тебе ни хотелось ускорить события!»

Паламарчук остановился, достал ключи. Замки на сарае оказались отечественными, но тоже повышенной секретности. Да, Паламарчук был человеком основательным и не любил, когда другие суют нос в его дела.

Он зажег свет.

— Сюда, по-моему, они не залезли. Все на месте.

— Может, мне поручите? — Антоновас окинул взглядом вечерний костюм Шивене, оседающую на свету кирпичную пыль и шершавые доски перегородки.

— Ничего.

Маленькое квадратное помещение оказалось наполовину пустым. Старая корзина, чемодан. На стеллаже — несколько трехлитровых банок. Консервированные овощи. Особняком лежал плотницкий инструмент: несколько топоров, пилы. Стена напротив — голая, в центре — крюк. «Здесь что-то висело... — подумала Геновайте. — На всем ровным слоем лежит пыль...» Потом она поняла, что на этом месте висел велосипед.

— А это? — у самого входа Шивене заметила сверток, обернутый тряпкой.

Паламарчук пожал плечами:

— Рабочий халат. Я им не пользуюсь.

— Давайте захватим с собой. Я хочу взглянуть.

«Перед приездом милиции преступник мог спрятать одежду со следами крови и другие улики в сарай, чтобы потом, выждав время, их уничтожить. В этом случае преступника не надо искать далеко...» — рассуждала Шивене.

Поднявшись в квартиру, расстелили халат в прихожей. Он выглядел почти новым. Геновайте уже отметила: обитатели квартиры, взрослые и мальчик, тщательно ухаживали за вещами. Все, до чего не дотрагивался преступник, было чисто, выглажено и тщательно сложено.

Пока Антоновас осматривал халат, Шивене занялась корзиной с домашней обувью: «Пятна могли попасть на подошву».

— Следовательно, — сказал Паламарчук. — Прошу вас... — Он больше не говорил ни «гражданин», ни «товарищ», но с пьяной настойчивостью возвращался все к той же теме. — Не говорите пока жене про Геннадия! Хотя бы несколько дней!

— Мы обсудим это.

— Геннадия ведь не вернешь! Так? А она не выдержит! — он бросил взгляд в коридор, потом нагнулся к ящику с обувью. — Обувь, по-моему, вся на месте, следовательно.

Шивене держала в руке тапки с замшевым верхом, без задника, лежавшие на самом дне.

— Это мои. Жена привезла из Каунаса.

Она перевернула их. На передней части подошвы, ближе к середине, заметила крохотное, с булабочную головку, пятно.

— Похоже на кровь, — она показала понятым.

— Было, наверное, так, — подумав, пояснил Паламарчук. — Порезался, когда брился, капнул в ванной. А оттуда уже попало на подошву.

— Какой бритвой вы пользуетесь?

— Как когда... И электрической, и безопасной.

— Генуте! — позвал Антоновас. Внешне спокойное, даже бесстрастное лицо его было изжелта-бледным. — Смотри...

В центре халата на синем фоне виднелось несколько хорошо заметных бурых пятен.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО

— А сейчас начните, пожалуйста, сначала. И постарайтесь лучше вспомнить. По моим данным, четырнадцатого марта вы на работе отсутствовали.

— Нет, следовательно... Четырнадцатого я весь день вкалывал. У нас на работе строго. Прогулял — принеси оправдательный документ. Я работал. Можете проверить. А потом... Забурил, одним словом.

— И все-таки на работе вы не были. Мы знаем, что вместе с вами в цехе работает табельщицей ваша родная сестра. Она допрошена. Показала, что проставила в табеле рабочий день по вашей просьбе. Вот протокол допроса.

— Разрешите?

— Внизу. Второй абзац.

— «Накануне просил меня, чтобы в табеле...» Что ж! Все правильно... Одному удивляюсь. Что за люди!

— Она сказала неправду?

— Чистую правду.

— Объяснитесь, пожалуйста.

— Что получилось, следовательно? Я вынужден вводить вас в заблуждение, бросить тень на себя, чтобы не подставить под удар сестру, а она тем временем выводит меня на чистую воду... Да я бы сразу признался! Нет резона скрывать. На работе я не был. Но это не имеет никакого отношения к тому делу. Сейчас вы убедитесь.

— Записываю.

— На четырнадцатое марта я отпросился у начальника смены — Титова Александра Аркадьевича. Можете проверить. Отпросился по настоянию своей жены. Хотя отношения у нас с нею не ахти... Особенно в последнее время, в связи с моими выпивками. Но когда надо помочь, я, как пионер, всегда готов! Можете у нее узнать. Я предупредил на работе, что не выйду. Сестре сказал, чтобы поставила в табеле рабочий день. Все равно отработаю в конце месяца.

— Дальше.

— А жена накануне все отменила. Можно было, конечно, с утра выйти на работу... Но знаете, как бывает? Настроился на выходной день. Мальчишка уже спал, когда жена все переиграла. Он тоже думал, что не пойдет в школу. Обрадовался. Уроков, конечно, не готовил...

— Дальше, пожалуйста.

— Вот вы слушаете меня, а смотрите на все, так сказать, сквозь призму убийства Геннадия... А вы на минуту взгляните по-

просто. Как бывает? Появилась возможность отдохнуть в середине недели. Мы встали с сыном уже где-то к обеду. Вместе вывели собаку. Стали жарить яичницу. Вдруг звонок. Сосед с верхнего этажа: «Выручайте, братцы, ни одной сигареты!» Это все можно проверить. Не сомневайтесь!

— Вы коротко знакомы с соседом?

— Посторонний человек. До этого никогда не разговаривали. Знал только, что он работает преподавателем физкультуры в ПТУ. И еще несколько раз видел в машине во дворе. У него «Волга». Солидный товарищ. Врать не будет.

— Фамилию знаете?

— Хомутов Александр Захарович.

— Продолжайте.

— Оказалось, что с четырнадцатого он в отпуске. Жена в командировке, должна со дня на день приехать. Дали мы ему с сыном сигарет, предложили яичницу. У меня было граммов сто спирта, на компрессы. Разлили... Успеваете записывать?

— Вполне.

— Поднялись к нему. Посмотрели рыбок. У него аквариум с этот стол. В баре нашлась сувенирная бутылочка коньяка, сто граммов. Выпили и ее.

— В какое время это было?

— Наверное, часа в два. Не помню... День был серый, я говорил. Но к обеду разгулялось. Решили проветриться. Мне надо было в библиотеку, на Озо. Я потерял книгу. А Хомутову — на платную стоянку — насчет машины. С него дважды получили плату за февраль. Взяли собаку, пошли. А сына оставили во дворе.

— И все время вы были вместе с Хомутовым?

— На стоянке вместе. В библиотеку я заходил один. Хомутов оставался с собакой. Библиотекариша должна была видеть. Мне нечего темнить...

— В какое время вы были в библиотеке?

— Примерно в половине четвертого. Или чуть раньше. Кажется, в половине четвертого я брал вино в магазине на Космонавту.

— Дальше.

— Так и провели весь день. Поехали к другу Хомутова в Лаздинай. И собака с нами. Выпивали в квартире и в овраге у дома. Детали я плохо помню. У друга Хомутова дома была дочь, потом пришла жена... Помню, вечером друг Хомутова и его жена еще ездили со мной на такси в магазин.

— В тот день вы ничего не знали о гибели Геннадия?

— Нет.

— А с женой разговаривали?

— Со своей? Она звонила домой, интересовалась у сына, не выпивши ли я. Просила, чтобы позвонил. Но я уже спал.

— Выходит, день провели без осложнений...

— Остался доволен.

— Тем не менее ваш сын передал матери фразу, которую вы сказали, вернувшись. Он не повторил ее вам наутро?

— Не помню. Что-нибудь несуразное, стьяну?

— Вы сказали, что к осени вас уже не будет. Что ему расти без отца и надо слушаться мать...

Рано развившаяся девочка-подросток открыла дверь в кабинет, пожаловалась кому-то в коридоре:

— Опять без начинки...— в руке она держала конфету. Потом спросила: — Вы следователь? — Это относилось уже непосредственно к Шивене. — Наташа Адомавичуте из шестого «А». Вызывали?

Следом за ней в дверях показалась маленькая худенькая старушка.

— Проходите, садитесь,— пригласила Геновайте.

— Моя бабушка,— представила Наташа. — Теперь меня никуда одну не пускают. После того, как я их видела...

Девочка стянула с себя куртку, под нею оказался старенький растянутый на груди свитер и короткая юбка — все тесное, готовое лопнуть.

— Так жарко сегодня. Можно?

— Да. Садитесь.

— Спасибо.

— Следователю нельзя носить украшения? — Усаживаясь, Адомавичуте внимательно осмотрела одежду Шивене. — Даже цепочки?

— Дело вкуса.

— А я подумала...

Бабушка молча взяла у нее куртку, положила себе на колени.

— Не балуйся,— старушка, видимо, хронически недосыпала, так как сразу закрыла глаза.

— Значит, Геннадия Оливетского ты знала...— заговорила Шивене. Ей звонила инспектор по делам несовершеннолетних, которая разговаривала с Наташей в школе. — Дружила с ним?

— Нет. Его все знали. Он читал стихи на вечерах. И потом, мы живем в одном доме.

— В тот день ты видела его?

— На перемене.

— А потом? О чем с тобой говорил инспектор?

— Расскажи, детка,— сказала бабушка, не открывая глаз.

Адомавичуте кивнула.

— Из школы я пришла домой. Поела, почитала, посмотрела телевизор. Потом вышла гулять. Когда проходила мимо подъезда, где живет Геннадий, увидела трех парней...— Она вздохнула: видимо, рассказ приходилось повторять не раз.— Один из них посмотрел на меня и сказал другому... Ну, вы знаете!..— она взглянула на Геновайте.— Некоторые парни из Шяшкине ведут себя безобразно! Болтают, что в голову придет. Я уже привыкла,— она опять вздохнула.— Мне всегда достается из-за моего бюста... Повторить, что они сказали?

— Все расскажи,— по-прежнему не открывая глаз, произнесла бабушка.

— Ты же знаешь! Он сказал: «Смотри! Вот это формы!» Потом все трое уставились на меня. Такие ведь не могут оскорбить?— она посмотрела на следователя.

— Конечно,— согласилась Шивене.

— Я прошла мимо. Ноль внимания, фунт презрения... Когда подходила к углу дома, все же обернулась. Двое парней перестали курить, бросили окурки на тротуар. Потом вошли в подъезд. А третий, который про меня сказал, остался.

— В какое время это было?

— Не помню. В половине четвертого. Или в три.

— Почему ты решила, что эти парни из Шяшкине?

— Одного я как-то видела в автобусе. Он ехал в сторону Дукшту.

— Кроме них никого не было?

— У подъезда?— Наташа задумалась.— Был... Мужчина!

— Можешь его описать?

— Среднего роста. Круглолицый. Лет тридцати пяти—сорока. В куртке или сероватом плаще. По-моему, кого-то ждал. Да! Смотрел на часы.

Геновайте заинтересовалась:

— Ты отца Геннадия знаешь? Не он?

— Не-е-ет! Это чужой.

— Раньше ты его видела?

— Во дворе? Кажется, видела. Но он у нас не живет.

— А узнать смогла бы?

Адомавичуте энергично закивала:

— Обязательно! Я и через десять лет его покажу!

Маленькая женщина со сморщенным круглым личиком, с въевшейся в морщины на ладонях чернотой, которую не могла выбелить даже многолетняя жизнь не в деревне, а здесь, в Вильнюсе, смахнула платком слезу.

Она говорила о дочери — матери Геннадия. Это был перечень несправедливостей, длинный неоплаченный счет обид и бед, выпавших на их долю еще до последнего — самого страшного удара судьбы.

— ...Жили на хуторе. А школа-интернат в восьми километрах... — жаловалась она. — Зима, лес. Волки! А учиться надо! Я — дома, дети — там... А время какое было! В интернате у каждого ребенка свой чугунок. Картошка, лук, сало баранье... Когда уйдут на урок, нянечка все чугунки ставит в печь. Но ведь дите! То чугунок опрокинет, то забудется. Возьмет не свой... Вам не приходилось?

Шивене поднялась, сделала несколько шагов к окну. Старушка осталась сидеть — жалкая, похожая со спины на съездившего неловкого подростка.

Они разговаривали в пустом кабинете пункта охраны порядка. За окном открывалась панорама новых зданий. С шумом проносились по проспекту Космонауту троллейбусы.

«Действительно ли злой рок по какой-то причине обрушивает все беды на одних, — подумала Шивене, — а других освобождает от этих бед с самого детства для удач и восхождения?»

Ее собственное детство было другим. Можно назвать его благополучным. Дружная семья, отец не чаял души в жене, в детях. Ни одной напасти... Да! Боялась кота! Но потом и его полюбила. У кота было две слабости: он мог часами заниматься собой, лежа на диване или в кресле, и еще любил в жаркий день спать в тени помойного ведра у террасы.

— ...Я то на скотном дворе, то в поле. Потом еще караулить взялась. Денег нет. Правда, соседи помогали... Однажды ушла за дровами. Топить надо: зима! Наказала детям: «Смотрите за коровой! Загубите теленка — я вас!» А они — малыши... Босые выбегут во двор, посмотрят на корову — и сразу в дом. Заигрались. Выскочили — а теленок уже лежит, замерзает, пар почти не идет. Тяжелый оказался, большой. А они в одних платицах, босиком. Одеваться некогда... Переложили на половик, втащили в избу. Перемерзли. Теленка спасли и сами не заболели. Болеть уж потом начали, в городе...

— Первый муж ей изверг попался, — сказала она как давно обдуманное. И сразу успокоилась.

— Отец Геннадия? — уточнила Шивене.

— Да. Оливетский. Тут больше я виновата: не распознала. Вернее, распознала, да поздно! Хотела ведь, как лучше дочке... — она сделала ударение по-белорусски, на последнем слоге. — На свадьбу расстаралась: десять петухов забила. Всех белых, без единого пятнышка. Чтоб на счастье!

— Плохо жили?

— Не пара они. И зачем надо было ей жизнь портить? Взял бы по себе и жил!

— Пожалуйста, объясните.

— Все напоказ, для людей... А души нет! Одна жестокость... Даже сына не любил! При гостях гладит, а как отвернутся — двумя пальцами, как щенка, за шею и через комнату — на кровать. При мне было! А сам разговаривает с гостями. Им-то из коридора не видно. Мы с Ольгой во все глаза смотрели, чтоб Геннадия чего не сделал... Ребенок не нужен ему был! Не с руки... Связывал. Иной раз посмотрит на него, а в глазах такое!.. Вы поговорите с Олиной подругой, с Доминиките, она знает!

— У вас здесь есть родственники, в Вильнюсе? — спросила Шивене. — Как вы оказались тут?

— Двоюродный брат был. Зубы вставлял. На дому... Я и переехала с хутора к нему вместе с детьми. Хозяйствовала. Он один жил, инвалид. Как умер, я и осталась в его квартире.

— А у других детей жизнь сложилась?

— У старшей — ничего. Сейчас в Москве. Учительствует. Вторая дочь в милиции, в Паневежисе. А сын... И ему с женитьбой не повезло. Сейчас с ними живу. Скандалы, драки. Ребенок у него тоже... В пору самой уйти. Зато как я радовалась, когда Ольга во второй раз замуж вышла.

— За Паламарчука?

— Да. Он ее никогда Ольгой не называл... — голос старухи дрогнул. — Только Олечкой! И Геннадий при нем ожил. Ребенком себя почувствовал. А то все только просил: «Мама, тише! Папа, не надо!..» А этот спокойный, трезвый. Больше, правда, молчит. Но подбить парню ботинки или подшить — только сам. И в школе уважают — не посмотрели, что отчим, выбрали в родительский комитет. Поэтому Геннадий и тянулся...

— А родной отец? Приезжал к сыну?

— Был недавно.

— А зачем?

— Из-за денег! Как же... Когда чего решит, тут не остановишь. Через мертвого отца переступит!

— Что он хотел конкретно?

— Конкретно? Чтоб Ольга от алиментов отказалась. Он, видишь ли, на машину копит. Очередь подходит. Деньги нужны. Да вы поговорите с Доминиките. Она знает!

— ...Я считала, что встреча с любимым человеком у меня произойдет в читальном зале. Могла даже описать, как это будет. — Доминиките улыбнулась, но улыбка ничего не внесла в крупное лицо с маленькими черными глазками, с толстым

вздернутым носом.— Он посмотрит в зал и заинтересуется. Кто там, в углу, подальше от шумных компаний, ненакрашенная, всегда в скромной блузке с галстучком. А это — я! Потом вместе мы перед закрытием будем сдавать книги. «Вам в какую сторону, девушка? Уже поздно. Не боитесь?»

— Кофе хотите? — предложила Геновайте.

— У вас найдется? — Доминиките явно обрадовалась. — Я типичная кофеманка.

— Растворимый. Отечественный, индийский? Что предпочтете?

— Лучше отечественный.

— Отлично... — Шивене достала чашки, поставила на стол сахар. — Ну, а что он? Так и не пришел?

— Может, не дошел до угла, куда я забивалась. Мои сверстницы назначали свидания прямо в читальном зале, флиртовали, курили в коридоре и исчезали. А я оставалась до закрытия. И никого не тревожило, как она там едет одна через весь город...

Шивене взглянула на нее с сожалением: «Что-то не учел поэт, спросив о красоте: «Сосуд она, в котором пустота? Или огонь, мерцающий в сосуде?» Огонь налицо, а сосуд... Форма, видно, не менее важна, чем содержание...»

— Мне воды чуть-чуть... — попросила Доминиките. — На самое дно! Спасибо.

Она медленно отходила от темы, которую Шивене затронула ненароком, уточняя ее фамилию¹. Темы женского одиночества, безбрачия.

— Вы видели девчонок из Балтупяй, когда они идут на танцы? — спросила вдруг Доминиките.

— Нет, признаться...

— Каждая во-о-от с такой сигаретой. В комбинезонах. На каблуках. Все поддатые. Длинноногие, резкие. Разве мы такие были? А разговорчики?! Прямо моряки, месяцами не знавшие берега...

— Я думаю, тут есть и поза.

— Конечно, поза тоже присутствует... Так вот. Мы часто гуляли вместе, — она предупредила вопрос. — Я, Ольга — тогда она была еще Желнерович — и Оливетский. Потом он уехал с родителями. В Шяуляй. Забыли о нем. Вдруг является и предлагает Ольге руку и сердце, — Доминиките сделала несколько частых мелких глотков. — Восхитительно! — она отставила чашку. — И представьте: Ольга соглашается. Быстро, скоропали-

¹ В случае замужества фамилия «Доминиките» была бы «Доминикене».

тельно. Брак этот считали неудачным. По крайней мере, ее друзья.

— Почему?

— Оливетский еще до свадьбы позволил себе несколько не тактичных выходок. Устроил «проводы холостой жизни» — уехал в Тракай с другом и двумя сомнительными особами. Мы отговаривали Ольгу от брака, но...

— Что же заставило его сделать предложение?

— Дело, по-моему, в ее дяде — частнике-протезисте. Детей у него не было. Все накопленное должно было отойти к Желне-ровичам.

— Золото?

— Я никогда не могла этого понять! — В глазках Доминиките сверкнул презрительный огонек. Она вздохнула. — Но для Оливетского это было решающим. Вы не представляете, какую роль в его жизни играют деньги! Он бросал работу на заводе и шел в рубрики мяса, в таксисты. Гнался за длинным рублем. К тому же оказалось, что он чудовищно жесток. Скуп. Бездуш-шен. Любит только себя.

— Как они разошлись? Он оставил ее? Или она?

— Она. За это я ее уважаю. Перед тем Оливетский познакомился с другой женщиной. Из ЦУМа. Развод его устраивал. Он только не хотел, чтобы Ольга подала на алименты. Просил, угрожал. Но было уже бесполезно. Запас доброты кончился... — Доминиките снова вздохнула. — Ольга переехала жить к матери. Прошло несколько лет. Потом она познакомилась с Паламарчу-ком. У него тоже первый брак был неудачным.

— Как Паламарчук относился к пасынку?

— Они ладили. Ольга, во всяком случае, была довольна. Ни-когда не высказывала претензий.

— Вы с нею часто встречались?

Доминиките покачала головой.

— Последнее время реже. Паламарчук любил быть втроем: он, жена и сын. Но отношения между нами всегда оставались сердечными. Кстати, это я им подсказала, что есть возможность вступить в жилищный кооператив. А то так бы и жили у матери.

— А что Оливетский?

— Женился на деньгах. Как и мечтал. Родился еще ребенок. Жена часто болеет. Больше думает о развлечениях, не спешит создать ему сладкую жизнь. Недавно он приезжал к Ольге, про-сил, чтобы отказалась от алиментов на Геннадия.

— Причины?

— Ольга живет, дескать, неплохо, а ему срочно нужны день-ги. Высказывал неясные угрозы.

— Какой он из себя?

— Среднего роста. Симпатичный. Раньше всегда выглядел моложе своих лет. Теперь уж давно не виделись.

— Адрес его знаете? — поинтересовалась Шивене.

— Улица Ариму... Ариму, шесть.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ЖЕНЫ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

— Ваш муж показал, что четырнадцатого марта не пошел на работу по вашей просьбе...

— В тот день меня должны были выписать из больницы после сложной хирургической операции. Но накануне у меня вдруг поднялась температура, и я вечером позвонила домой — сказать, чтобы муж с сыном за мной не приезжали.

— Когда вы звонили? Муж в это время был дома?

— Да. Я сама разговаривала с ним. Это было тринадцатого вечером. Я звонила поздно, чтобы его застать.

— На другой день вы тоже звонили домой?

— Несколько раз. Дома был только сын. Он сказал, что отец ушел вместе с соседом, который живет выше этажом, они взяли с собой собаку.

— В каких вы взаимоотношениях с этим соседом?

— Даже не здороваемся.

— В какое время вы позвонили четырнадцатого марта в последний раз?

— В девять вечера. Мужа еще не было. Я попросила сына передать ему, чтобы, когда придет, позвонил в больницу, в ординаторскую, и узнал, какие вещи мне необходимы при выписке.

— Он звонил в тот день?

— Нет.

— Пятнадцатого он приехал за вами?

— Да. Перед обедом. Вместе с сыном.

— Вы заметили у него на лице свежие царапины?

— Заметила. Он сказал, что поругался с кем-то у магазина.

Кто-то хотел отобрать у него водку.

— Какого числа это случилось?

— Он сказал — накануне.

— То есть четырнадцатого?

— Да.

— Когда вы узнали о гибели Геннадия?

— Пятнадцатого вечером. Нам сообщили, что похороны Геннадия назначены на четверг.

— Ваш муж переживал случившееся?

— Он был удивлен.

- Муж участвовал в похоронах?
- Да. Он нес крышку гроба.
- Ваш муж не высказывал каких-либо предположений о том, кто мог совершить убийство?
- Мы об этом почти не разговаривали. Он сказал только, что убийцу могут и не найти.

Перед райотделом стояло несколько машин, но черной «Волги» прокурора города среди них еще не было. Шивене припарковала «Жигули» у тротуара и направилась в двери. Симпатичный сержант у входа приложил руку к козырьку.

— Сбор в кабинете начальника Управления, товарищ старший следователь.

До совещания еще оставалось время. Шивене приехала пораньше, чтобы переговорить с инспекторами, входившими в ее группу.

— Репин на месте? — спросила она у сержанта.

— Здесь.

— А Буславичус?

— Только что приехал. Тоже наверху.

Она застала обоих инспекторов в кабинете Репина. Сам Репин, плотный, с большим лбом и далеко ушедшей, как во время отлива, волной волос, писал рапорт. Получалось плохо, и он хмуро вчитывался в написанное. Буславичус пил чай. Их ужасные шляпы висели на вешалке рядом с зонтами.

Увидев Геновайте, майор Репин поднялся.

— Надо подытожить, что у нас есть, — сказала Шивене, проходя к столу.

Буславичус допивал чай. Геновайте невольно прислушивалась к его мелким старательно-бесшумным глоткам.

— Что насчет Оливетского? — она расположилась за столом на месте Репина.

— Я только что с улицы Ариму, — Буславичус, сделав последний глоток, поставил стакан на сейф.

— Есть новости?

— Есть. Но сначала, по-моему, Репин хочет сообщить о показаниях Самолетова.

— Того, что работает с Паламарчуком?

Репин взял со стола исписанный лист бумаги:

— Да. Тоже огранщик. Четырнадцатого марта Самолетов вместе с Паламарчуком и другими после работы был на профсоюзном собрании цехов-смежников. После собрания кто-то предложил «посидеть». Так и сделали. Примерно с шестнадцати до семнадцати тридцати выпивали в ближайшем ресторан-

чике на Дзержинского: Самолетов, Паламарчук, Захаров, Горак...

Это не было новостью. На допросе Паламарчук, уже трезвый, подробнейшим образом рассказал обо всем, что было с ним четырнадцатого после работы, и назвал всех, кто мог его видеть во второй половине дня.

— Свидетель не путает...— Репин отложил бумагу.— Паламарчук выпивает редко. «Мужчина он трезвый»,— сказал Самолетов.

— Где они были после семнадцати тридцати?

— Зашли к одному рабочему из их цеха, тот живет на Дзержинского.

Буславичус вздохнул:

— Если бы Паламарчук в тот вечер был трезв, мы, возможно, проверяли бы на одну версию меньше...— он тоже поднялся.— Мы с Репиным только что говорили об этом. Теперь я скажу об Оливетском-старшем... Загадочная фигура на нашем горизонте!

Шивене поправила прическу.

— Я слушаю.

— Приходит домой, когда заблагорассудится. Иногда ночью, иногда совсем не придет. Никто не знает, где бывает и чем занимается.

— Он работает?

— Техником на заводе строительно-отделочных машин. Часто приезжает на такси, что-то привозит. Жена, как считают, махнула на него рукой. Жильцы дома Оливетского боятся.

— Боятся?

— Точнее сказать, опасаются... Обходят. Под окнами несколько дней выла собака. Кто-то предложил вызвать эвакуаторов. «Не надо»,— сказал. Думали, жалеет животное. Наутро собака убита.

— У него ружье?

— И ружье, и охотничье разрешение... В доме полный достаток. Фарфор, ковры. Жена имеет отношение к дефициту. Никто к ним не ходит, кроме соседа — шофера междугородных перевозок.

— С ним вы и встретились...— предположила Шивене. Она отодвинула недописанный рапорт Репина, оперлась локтями о стол.

— Точно. Паулаускас Донатас, уроженец Тракай, двадцать восемь лет.

— Оливетский работал четырнадцатого?

— Нет. Я проверял. На работе его не было. Вернувшись, вел себя странно. Паулаускас видел его в тот день.

— Он заходил к Оливетскому?

— Да. Жены не было. Ребенок уже спал. Оливетский что-то убирал на полке в ванной. Паулаускас покурил в кухне, потом ушел.

— Сосед ничего не заметил? — спросила Шивене. — Кровь, следы борьбы, царапины?

Буславичус качнул головой.

— Паулаускас видел его сбоку и со спины.

— Одежду он описал?

— Оливетский обычно ходит в куртке. Темного цвета. Есть серый костюм. Серый плащ в клетку. Черные полуботинки.

— Похоже на того, которого описывала девочка.

— Наташа Адомавичуте? Я тоже подумал. Еще существенная деталь. — Главное Буславичус приберег на конец. — Оливетский что-то перекладывал в ванной. Сосед курил по другую сторону двери. Говорили о хоккее. Оливетский в основном поддакивал. Внезапно до Донатаса дошло, что Оливетский его не слушает, чем-то занят. «Что там у тебя?» — он шагнул вперед. Оливетский не ожидал. Оказывается, считал деньги. Он же копит на машину. Когда Паулаускас приблизился, он сунул их вниз, в бак для белья. Но неудачно. Одна купюра отделилась. Оливетский прихлопнул ее крышкой: половина в баке, половина снаружи.

— Действительно, интересно, — согласилась Шивене. — Что за купюра?

— Пятидесятирублевка. На всякий случай я вызвал Паулаускаса.

— Оливетский что-нибудь натворил? — спросил Паулаускас.

Шофер оказался здоровяком с рыжеватой короткой бородкой, тяжелыми руками. В дверях он привычно нагнул голову, боясь задеть о притолоку. «Огромный добродушный викинг...» — подумала Геновайте.

— Мы иногда заходим друг к другу. Курим, болтаем... Четырнадцатого тоже виделись. Я сказал об этом инспектору, который приезжал к нам, на Ариму... — он собрался повторить то же, что Шивене уже знала от Буславичуса.

— Вы из каких мест? — ей требовалось большее, контакт.

— Из Тракай. Знаете наши места?

— Ну как же!

— Отличный край.

— Вы сами-то хорошо его знаете?

— Думаю, да.

— О Волчьей Лапе слышали?

Безусловно, он ничего о ней не слышал.

Шивене достала записную книжку. Описание она случайно обнаружила в старом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и переписала себе.

— Читайте.

Паулаускас прочитал вслух:

— «При дороге из Вильно в Троки с левой стороны лежит камень длиною в сажень, шириною в два аршина с высеченными изображениями одного копытца козьей ноги и одной волчьей лапы, отчего местность называется Волчья Лапа». Никогда не слышал, — он был удивлен. — Надо проверить.

— Оливетский не ваш земляк?

— Нет! У нас народ проще. Если выпьют, становятся веселее, общительнее.

— А он?

— Ему пить противопоказано. Пьяный — высокомерен, жесток. Кажется, что угодно может натворить. Вплоть до самого ужасного. Невозможно поверить, что это человек, которого знаешь!

— Четырнадцатого он был трезв?

— Выпивши.

— Что за деньги, по-вашему, он считал в ванной?

— Не знаю. Мне кажется, он где-то достал их четырнадцатого. Днем куда-то уходил, пришел вечером. И, наверное, принес деньги.

— Он рассказывал о сыне от первого брака? Вообще о той семье?

Паулаускас кивнул:

— И не раз.

— Что именно?

— Всегда одно. «Ложный шаг, ошибка молодости». Теперь расплачивается. В смысле алиментов. Ему ведь еще четыре года платить. Недавно как раз вспоминал.

— В связи с чем?

— Скоро машину получать. А денег-то не собрал! Жена не даст. Не те отношения. Я дал, сколько мог.

— Но на алименты он машину не купит! Не хватит.

— А долги платить? Пошли бы в счет погашения.

— Давно он решил купить машину?

— С год назад.

— Недавно.

— А у него все быстро... — Паулаускас сложил тяжелые рабочие руки на коленях. — Идет к цели прямо, как по линейке. Не остановишь.

ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Латинская юридическая фразеология

В разуме нет ничего такого, что не содержалось бы раньше в чувствах.

Мудрый начинает с конца, и то, что было первым в намерении, является последним в исполнении.

Если ты разгневан оскорблениями, ты предаешь их огласке; если ты презираешь их, они перестают существовать.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

— Хомутов Александр Захарович, преподаю физкультуру в профессионально-техническом училище. Ни в чем вроде бы не замечен, и вдруг звонят из прокуратуры! Вы вызывали?

— Да. Садитесь, пожалуйста. Расскажите, где вы были четырнадцатого марта этого года? С кем?

— Это был первый день моего отпуска. Хорошо его помню. Начал отпуск с того, что выспался. Наверное, первый раз за этот год.

— Год только начался...

— Значит, за прошлый.

— Кто-нибудь еще был дома?

— Только я. Жена должна была через день вернуться из командировки. Мы живем вдвоем. Позавтракал. Выпил кофе. покормил рыбок — у меня аквариум на пять ведер. Включил магнитофон. Полистал журнал. Как обычно... Хотел закурить. Посмотрел — кончились сигареты. В магазин на Космонавту идти не захотелось. Решил поискать в доме.

— У кого именно?

— На нашем этаже все некурящие. Спустился ниже, в угловую квартиру.

— Там у вас знакомые?

— Нет. Но знаю, что там мужчина курит. Часто видел его во дворе с собакой. Позвонил. На счастье, он оказался дома.

— Он объяснил вам, почему не на работе?

— Должен был привезти жену из больницы, но ее не выписали. Мальчик тоже остался дома. У него сын лет десяти-

двенадцати. Больше никого дома не было. Мужчина угостил меня сигаретами, пригласил к столу. Забыл сказать: они завтракали... У него было немного спирта. Граммов восемьдесят, не больше. Он предложил мне. Мы выпили, закусили яичницей.

— Потом?

— Я позвал его с мальчиком к себе посмотреть рыбок. Кроме того, я собираю спичечные этикетки, значки. В серванте у меня есть несколько сувенирных бутылочек коньяка. Стограммовых. Одну мы выпили.

— В какое время это было?

— Примерно в половине первого — в час. Потом мальчик попросил отца больше не пить. «Мама будет ругаться! Скажет бабушке. Тебя заберут!» Они взяли собаку, и мы вышли погулять. Мальчик пошел играть со сверстниками, а мы с женщиной...

— Как его зовут?

— Слава. Фамилию я не знаю. Пошли вместе. Славе нужно было в библиотеку, на Озо. Он потерял книгу. А мне — на платную стоянку. С меня ошибочно взяли второй раз плату...

— Куда вы пошли раньше?

— На стоянку. Я отрегулировал все вопросы, и мы решили еще выпить. Но сначала сходили в библиотеку.

— Он долго отсутствовал?

— Минут двадцать. Я все время с собакой стоял у входа.

— В какое время это было? Помните?

— Часы я не взял. Слава говорил, что уже поздно, три или начало четвертого. Из библиотеки он должен был еще зайти в магазин за выпивкой.

— Дальше, пожалуйста.

— Я дал ему деньги. И чтобы не терять время, пошел к моему другу Кутьину, который живет недалеко от Озо. На Судярвеськяяс. С собакой пошел...

— Я слушаю.

— Мы с Кутьиным еще накануне сговорились встретиться. Славе я оставил телефон Кутьина, чтобы он, как только возьмет выпивку, позвонил нам, и мы выйдем ему навстречу.

— Дальше.

— Я зашел к Кутьину. Но собака в квартире стала лаять. Кроме того, могла поцарапать паркет. Поэтому мы с Кутьиным вышли на улицу, а свою дочь он предупредил: «Если будут звонить, передай, что мы ждем на улице, у оврага»... У Кутьина имелась бутылка водки. Мы взяли ее с собой.

— Так...

— У оврага выпили. На пеньке. Вскоре пришел Слава. Еще выпили.

— Как скоро, по-вашему, он вернулся?

— Очень быстро! Сказал, что очереди почти не было. Взял выпивку, позвонил Кутьину — и к нам! Мы выпили еще, стали возиться с собакой, дурачиться...

— Уточните: он отсутствовал минут тридцать? Час? Полтора?

— Минут тридцать от силы... Потом дочь Кутьина пришла за нами в овраг. Сказала, что мама уже дома и просит нас вернуться.

— Вы вернулись?

— Да. Там еще выпивали. Но это я уже плохо помню. Вечером я уехал на такси домой и увез собаку. А Слава, Кутьин и его жена еще поехали в магазин, к знакомому Славы. За продуктами. Я отвел собаку и пошел к себе.

— Вы ничего не заметили в одежде соседа после того, как он вернулся из магазина? Или на лице...

— Нет. Только потом.

— Когда?

— В квартире Кутьина. У Славы было поцарапано лицо.

— Вы спросили о причине?

— Он сказал, что поцарапала собака. Там, у оврага.

— В каком он был настроении, когда вернулся?

— Из магазина? Ничего. По-моему, даже напевал.

Но это все потом...

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ МАРТА. МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСМОТРА.

С помощью Альфонсаса Шивене сняла электрошнур, стягивавший шею мальчика, расстегнула на нем пальто. К моменту нападения Геннадий только вошел или собирался уходить. Он был в полуботинках, а не в тапочках, которые обычно носил в квартире, как и другие члены семьи.

— Множественные переломы в области затылка...— диктовал эксперт. Пальцы Альфонсаса еле касались успевших слипнуться волос — казалось, эксперт боится причинить боль.— Ранения в височной области. Бурые пятна на воротнике...

Не оборачиваясь, Геновайте попросила подойти криминалиста.

— Здесь требуется крупный план.

— Сейчас...— Караева положила линейку и несколько монет у воротника. Отошла, шелкнула блицем.

Дислокация и размер пятен могли прояснить обстоятельства, последовательность телесных повреждений.

Шивене обратила внимание понятых на вещественные доказательства:

— Утюг с разбитой ручкой, столовый нож, вилка. Они будут включены в протокол и изъяты.

— Я должен перевести дух,—судмедэксперт с трудом разогнулся, у него ныла спина.

Шивене отошла к окну. Из форточки пахло сыростью. На главной артерии Виршулишкес — Космонауту движение стихло. Вверху, над телебашней, двигались огни. «Ночной самолет...» Геновайте представился салон со спящими пассажирами, бодрствующие пилоты в окружении своих умных приборов.

— Продолжим? — спросила она через минуту, отходя от окна.

Бурые пятна, про которые почти с уверенностью можно было сказать: «Это — кровь», встречались всюду. Смывы и соскобы для анализа брались везде: с полов коридора и спальни, с секретера, с серванта, с дверцы бара, с полуторакилограммовой хрустальной пепельницы.

— Зачем столько проб? — любопытствовал у Буславичуса понятой — пожилой флегматичный человек.

Инспектор ограничился коротким разъяснением:

— Каплю мог оставить и убийца.

— Вы определите его группу крови?

— Попробуем.

— А почему преступник должен оставить свой след?

— Мог случайно порезаться, когда наносил удары,— пришла на помощь Буславичусу Шивене.— Мы должны предусмотреть все возможности... Наконец, мальчик, сопротивляясь, мог его поцарапать,—она взглянула на фигурку, лежавшую в коридоре.

— Я знаю, кто убил! — сказала вдруг Караева. Все обернулись. Обычно розоватое лицо ее было пунцовым. Она неловко, предплечьем убрала мешавшую ей прядь.— Это сумасшедший! Обитатель психбольницы. Нормальный человек совершить такое не в состоянии. Садизм. Бесчувственность. А главное... Хрусталь, одежда. Все цело! — она снова попыталась отвести волосы с лица.— Согласны?

За окном прогрохотал мотоцикл. Он был без глушителя. Казалось, прогревает моторы мощный реактивный лайнер. Несколько секунд — и звук удалился в направлении Лаздинай. Снова стало тихо.

— Генуте! — позвал Антоновас из кухни.

Она подошла. Между стенкой холодильника и столешницей отделанного пластиком стола застрял лист, вырванный из тетради. В середине крупным женским почерком было выведено:

«Купи себе тетради. Целую». Надпись была сделана мягким красным карандашом. Под столом лежал и карандаш — «Пятилетка» Московской карандашной фабрики имени Красина. Писали, безусловно, им. Еще дальше, ближе к краю стола, стояла сковородка со сдвинутой в сторону крышкой. В ней краснел кусок курицы, несколько ложек картофельного пюре. Обед, оставшийся несъеденным.

Шивене попросила подойти хозяина квартиры.

— Сейчас, — он неуверенно приблизился, вытер платком глаза. Прежнюю моторность движений сменили слабость, слезы. Для следственно-оперативной группы от него все еще было мало пользы.

— Кто это писал? — Шивене показала на записку.

Он с минуту смотрел на бумагу, потом перевел взгляд на черный выходной костюм следователя, словно вспомнил, кто она и почему здесь. Наконец с трудом выговорил:

— Ольга. Жена.

— Давно?

— Сегодня утром. Она говорила... — он вспомнил, — что оставит пятьдесят копеек на тетради.

Мелочь на столе отсутствовала, в одежде мальчика денег тоже не оказалось.

— Может, он купил тетради? — спросил бухгалтер.

Паламарчук покачал головой.

— Они были бы здесь. Кроме того, Геннадий в ботинках. Значит, в комнаты не входил.

— А может, он только пришел из школы? — предположила вторая понятая.

Геновайте показала на джинсы:

— Им не разрешают в школе ходить в джинсах. Только в форме. Выходит, он переоделся, чтобы идти за тетрадями. В это время, скорее всего, кто-то появился.

— Но, может, он сходил, а тетрадей не оказалось, — сказала женщина.

— Тогда, скорее всего, были бы деньги... Мы узнаем. — Следователь снова обратилась к Паламарчуку: — Далеко отсюда книжный?

— Нет, — он махнул рукой.

— Преступник завладел пятьюдесятью копейками! — воскликнула Караева. — Здесь что-то не так! Клянусь, это аномалия!

— Шоферские права! — вдруг вспомнил Паламарчук. Словно что-то пробилось внезапно сквозь толщу не связанных между собой мыслей, догадок, осаждавших его с вечера. — Их нигде нет!

- Шоферские права? Вы автомобилист?
- Не мои! Желнеровича! Вы не видели?
- Нет,—она обернулась к Антоновасу.— Водительские права нигде не попадались? Посмотри.
- Пока нет.
- Они лежали в спальне!
- Что-то заставило Шивене насторожиться.
- Желнерович? — переспросила она.— Кто он? Почему его права здесь?
- Он родной брат Ольги, жены! — своими объяснениями Паламарчук сразу все запутал.— Он не в Вильнюсе. Отбывает наказание. Боится оставлять их у себя дома: жена грозила — порвет.
- Минутку! Он осужден? За что?
- Семейные скандалы с женой. Они уже год как разведены. Ребенок у них... А жили вместе. У тещи. Ему некуда уйти. Понимаете? Там каждый день неурядицы...
- Он оставил вам свои документы?
- Да. И деньги. Пятьдесят рублей. Одной купюрой. Все лежало в спальне. Сегодня он должен был за ними приехать. Его обещали отпустить за правами.
- Именно сегодня?
- Из полки с хрусталем ударил отблеск огромной люстры.
- «Фотографии этой секции в уголовном деле будут единственно яркими... — подумала Шивене.— Резьба, подсвеченная изнутри... Только фотоснимок Геннадия из альбома, какой бы я ни приобщила к делу, будет тусклым, как все фотографии людей, которых нет в живых...»
- Может, Желнерович приезжал, и Геннадий отдал документы? — она провела взглядом по комнате.— Любопытно.
- Буславичус подумал о том же, открыл дверь на лестницу, махнул кутившему на площадке Репину.
- Есть работа, майор.
- Шивене попросила Паламарчука подойти. Он бросил на нее отчаянный взгляд:
- Это же дядя Геннадия!
- Адрес? — спросила Шивене.— Где он отбывает наказание?
- Паламарчук взглянул на Репина. Тот вынул блокнот, приготовился писать.
- Вы поедете сейчас? Ночью? — спросил Паламарчук.
- Мы решим.
- Он должен быть в Вевисе. На стройке.
- Следователь обернулась к инспекторам:
- Надо установить, отлучался ли Желнерович со стройки. Был ли сегодня в Виршулишкес? В какое время? С кем встре-

чался? Когда вернулся в Вевис? Кто его видел? Второй инспектор пусть едет к нему домой. Если он в Вильнюсе, срочно доставьте в прокуратуру...

В конце второго часа раздались три телефонных звонка. После паузы позвонили снова. Шивене сняла трубку.

Это был Репин.

— Я у дежурного по отделу. От Буславичуса никаких известий? — Геновайте поняла, что второй инспектор поехал к бывшей жене Желнеровича.

— Пока нет.

Антоновас, заглянувший из кухни, принес кресло. Геновайте села и только теперь почувствовала усталость. Ныла спина. Гудели ноги.

— Есть новости, — объявил Репин. Было хорошо слышно, как всегда во время поздних телефонных разговоров. — Удалось найти человека, который сегодня видел Желнеровича. Общественный автоинспектор.

— В Вильнюсе видел?

— Да. И даже подвозил на машине в направлении Вевиса.

— Вот вопрос: был ли Желнерович в Виршулишкес? — Шивене поправила запутавшийся телефонный шнур.

— Понимаю, — сказал Репин. — Он уехал из города в начале седьмого. До возвращения Паламарчука.

— Мог захватить сюда за документами.

— Вполне. Инспектор сообщил детали. Сейчас... — Репин что-то кому-то ответил на другом конце провода и снова приблизил к себе трубку.

— Желнерович «голосовал» на дороге? — Шивене хотела полнее представить ситуацию.

— Инспектор сам подобрал его на автобусной остановке. Они знакомы. Жили по соседству.

— И довез до места?

— Желнерович вышел, не доезжая Вевиса.

— Не доезжая?

— Он скрыл, что отбывает наказание. Сказал, что едет к знакомому. Он вообще хотел уклониться от поездки с инспектором.

— Был трезв?

— Да. Вел себя нервозно.

— Как был одет?

— У меня записано... — слышалось, как он листает блокнот. — В куртке. Болотно-коричневой, — инспектор не нашел другого определения. — Без головного убора. При нем был свер-

ток, он держал его на коленях. Автоинспектор поллюбопытствовал: «Что это?» Желнерович ответил: «Белье...»

— Надо проверять...

— Обязательно.

Буславичус позвонил сразу вслед за коллегой. Полученные им сведения подтверждали то, что установил Репин.

— Желнерович днем приезжал в Виршулишкес! — объявил он. — Бывшая жена видела его недалеко от магазина «Сатурнас».

«Рядом с местом происшествия...»

— В какое время? — спросила Шивене.

— В начале пятого.

— Что он делал?

— Ей тоже было интересно... Она проследила за ним. Он зашел в химчистку. Долго отсутствовал. Видимо, что-то сдал. Но дело в том, что сверток так и остался при нем. Если сдал, то что-то с себя.

— Может, пиджак?

— Завтра узнаем, если будет постановление о выемке.

— Я подготавливаю.

— Мне кажется, мы на верном пути. Бывшая жена характеризует его отрицательно. Если даже пятьдесят процентов этой характеристики подтвердятся, не надо никого больше искать. Как она выразилась, любит только свою собаку.

— Он держит собаку?

— Боксера. Я видел: хороший пес.

— Что же все-таки сказала жена?

— Пьяный выгонял из дому, грозил убить. Часто ночевала с ребенком на вокзале. Наутро приходил, просил прощения. Часами стоял на коленях. Через месяц все начиналось сначала.

— Какие у него взаимоотношения с сестрой?

— С матерью Геннадия? Весьма холодные с его стороны.

— А с племянником?

— Геннадия игнорировал. Сестру это очень обижало. Она много делала для брата, помогала материально. В последнее время он не работал. Опустился.

— На что он жил?

— Заложил вещи, выкупить не смог. Мать в деньгах отказала. Одно непонятно... — Буславичус помолчал, видимо, прикуривал. — Если он причастен к убийству, зачем ему забирать документы? Это ведь доказательство того, что он заходил к Геннадию!

— Надо его допросить. И как можно скорее.

— Из отдела уже послали в Вевис. На всякий случай я взял у жены его фотографию. Для опознания и розыска.

Около двух ночи, когда Геновайте попросила Антоноваса передвинуть тахту, между спинкой и матрасом она заметила пачку бумаг. Перенесла на стол. В глаза бросился печатный лист.

— Документы!

Шивене одну за другой просмотрела бумаги. Удостоверение на право управления автомобилем, постановление о наложении штрафа, копия приговора народного суда. Одна из строчек приговора отчеркнута карандашом: «...наносил удары по голове жене — Желнерович Н. А...»

— Меня вызывали? Я Оливетский.

— Садитесь, — Шивене указала на стул.

— Спасибо.

Оливетский устроился спиной к окну, судорожно зевнул. Геновайте отметила, что он низкого роста, на щеке родинка. «Мужчина, которого видела Наташа Адомавичус у четырнадцатого подъезда, был среднего роста, — подумала она, — без родинки».

— Знаете, в связи с чем вас вызвали?

— Ломаю голову. Еще со вчерашнего вечера... — У Оливетского были правильные мелкие черты лица, красные прожилки в глазах. Держался он суетливо.

— Где вы были четырнадцатого?

— А-а... — во взгляде его проскочила досада. — По поводу Рукаса?

— Подробнее, пожалуйста... — Фамилия Рукас ни о чем не говорила Шивене, но она предпочла, чтобы Оливетский сам объяснил значение вырвавшихся у него слов.

— Я помогал ему в приеме стеклотары.

— На работу не ходили?

— У меня больничный лист. Давление. Короче, решил заняться трудотерапией.

— На приеме стеклотары?

— Грузил ящики и прочее. Мы работали на выезде. С машиной. Киртимай, Науининкай... — он говорил не очень внятно. — Большое, кстати, дело сделали. Перевыполнили план!

— Вас интересовал только план?

— Нет, конечно. Я коплю деньги на машину... — он рассчитывал, что произведет впечатление. — Но вы, ей богу, напрасно вызвали! — он одним махом перескочил к концу событий. — Мы с Рукасом помирились.

— Об этом мне судить. Подробнее, пожалуйста.

Оливетский вздохнул.

— Небольшая царапина здесь,— он коснулся переднего брючного кармана.— Рукас сам расскажет.

— Ссора?

— Собственно, мы не ссорились. Зашли в столовую. Я заказал цепелинай, плокштайнис... Уважаю, признаюсь, литовскую кухню и люблю поест. Бутылочка была с собой. И тут Рукас начинает читать мне мораль. А сам уже еле сидит!

Оливетский подробно говорил о том, что не представляло для следствия интереса, и обходил все, что считал для себя опасным. Шивене не перебивала.

— А у меня с собой ма-а-аленький ножичек. Карандаши точить. Я вынул, положил на стол. Рукас хватает его, начинает вертеть. Я прошу его быть осторожным, одновременно пытаюсь положить себе цепелинай и случайно прижимаю ему руку...

Все становится понятным.

— Ранение серьезное?

— У него? Что вы?! На миллиметр задело мякоть. Маленькое пятнышко...— он свел пальцы, показал.— Кто-то возьми и крикни сдуру: «Человека зарезали!», «Держи!». Я, конечно, не побежал. Зачем? Просто отошел к раздаче. Между прочим, даже не заметил, как его увезли.

— В чем все-таки он вас обвинил? Из-за чего возникла ссора?

Оливетский замялся:

— Пятьдесят рублей пропало. Когда принимали стеклотару.

— Одной купюрой?— Шивене подумала: «Купюра, которую Паулаускас видел торчащей из бака для белья? Она от Рукаса?»

Он отвел глаза.

— Вы живете с семьей?— спросила она.

— Конечно! Нормальная семья: жена, ребенок.

— У вас еще сын от первого брака?

— Да. Живет в Виршулишкес,— Оливетский внимательно посмотрел на следователя.

— Давно его видели?

— Вообще я там не бываю. Первая жена принципиально против меня!

— Геннадий погиб,— сказала Шивене.— Знаете об этом?

— Погиб?!

Она вдруг явственно увидела мелькнувшее у него в глазах чувство облегчения. Первая мысль Оливетского была все-таки об алиментах! Потом он изменился в лице:

— Как погиб? Когда?

— Четырнадцатого марта. У себя в квартире.

Он сжал руками виски.

— Даже не верится!

Было трудно судить об искренности этой второй, следовавшей сразу вслед за первой, реакции, от Шивене это и не требовалось. Как человек она не могла не сочувствовать. Задача же ее как следователя была четко определена законом. В свете этой задачи чувство облегчения, которое она разглядела у Оливетского, свидетельствовало в его пользу.

— Какой ужас! — он привстал. — Вы отпускаете меня? Я должен поехать к Ольге. Может, надо помочь. Похороны, расходы...

— Я прошу пока остаться.

Она позвонила Буславичусу, который ждал в соседнем кабинете. Инспектор вошел не один — с четырьмя мужчинами. Шивене предстояло провести опознание.

В кабинете сразу стало тесно — не повернуться.

— Садитесь там, — Шивене показала двум вновь прибывшим на стулья рядом с Оливетским. — Можете выбрать места в любом порядке, какой сочтете нужным... — она посмотрела на Оливетского, но тот только махнул рукой. — А вы садитесь к столу, — двое других сели на указанные места. — Будете понятыми...

Шивене снова набрала телефон соседнего кабинета:

— Пусть заходят.

Через минуту в дверях появилась Наташа Адомавичуте в том же растянувшемся свитере, в короткой юбке и с плащом, перекинутым через плечо. Со времени их знакомства она уже освоилась в кабинетах городской прокуратуры. Позади семенила ее постоянно засыпавшая на ходу бабушка.

— Посмотри, Наташа, — предложила Шивене. — Здесь нет человека, которого ты видела четырнадцатого у подъезда?

Оливетский, сидевший с краю, как-то сразу съежился. Но девочка, стремительно скользнув глазами по лицам, уже качала головой:

— Нет.

— Точно?

— Абсолютно.

Шивене заполнила протокол, дала подписать всем, кому следует.

— Понятых, Наташу и бабушку попрошу задержаться. Остальные свободны.

Оливетский хотел что-то сказать, скрипнул зубами, потом, вытирая глаза платком, пошел к дверям. Шивене он больше не интересовал.

— Сядь ближе, — сказала она Наташе, — к столу.

Перед нею лежал бланк протокола опознания с тремя фотографиями, прошитыми и скрепленными печатями.

— А здесь? — она пододвинула к девочке протокол. —

Никого не узнаешь?

— Вот он!..—Наташа сразу показала на фотографию Желнеровича, родного дяди Геннадия.

— Не ошибаешься?

— Он! Он стоял у подъезда...

Раздался звонок. Из Вевиса звонил майор Репин:

— Желнерович здесь не появлялся, и местонахождение его неизвестно.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

— Оливетского Геннадия я знаю с сентября прошлого года, с тех пор как стала преподавателем школы и классным руководителем их класса. Мальчик впечатлительный, замкнутый. Способный к гуманитарным наукам. Очень любил стихи. Когда читал, забывал обо всем. Однажды в классе читал стихи Александра Балина «Баллада о головных уборах». Там такие строки: «Нам не надевали кивера, в ботфорты нас не обували,—коленом острым в клевера упав, мы зная целовали гвардейское...» И вдруг заплакал. В классе никто не засмеялся. Подождали, пока он начнет читать дальше. Потом я спросила: «Дома у тебя все в порядке?» Сказал: «Все хорошо». По точным наукам он учился на «5». Общее поведение в школе было хорошим. Одевался всегда очень опрятно, чисто. Уроков не пропускал. Дружил с двумя мальчиками из соседних домов—Сашей и Тимуром. Об отчине отзывался с теплотой и уважением. Отчим регулярно приходил в школу. Являлся членом родительского комитета. 14 марта Геннадий вел себя, как обычно. Занятия должны были закончиться в начале второго. После этого они с Сашей и Тимуром должны были пойти на заседание комитета ВЛКСМ.

— Мы, по существу, одного Пушкина и проходим!—объявил Шивене семиклассник. Как большинство его сверстников, он был максималист, не чужд рисовки.—У нас преподавательница без ума от Пушкина, поэтому мы в основном знаем только его.

— Это хорошо?

— Неплохо, я считаю. Но других поэтов поэтов приходится отыскивать самим.

— А как Геннадий? Каких поэтов он любил?

— Комарова, Кедрина...—Шивене и не слыхала их фамилий.—Из современных—Балина. Оливетский был эрудитом!

«Был», — заметила Шивене.

Инспектор по делам несовершеннолетних, присутствовавшая на допросе, — худенькая, похожая на девочку, с головкой, словно выточенной из кубика, с круглыми большими глазами — молча взглянула на нее. Видимо, подумала о том же.

— Вы знакомы с творчеством Соколова? А Кузнецова? — принялся за Шивене семиклассник. — А Геннадий их читал наизусть.

— Может, это влияние родителей? Их вкусы?..

— Родители! — семиклассник поправил очки. — Что они знают о нас? Днем на работе, вечером...

— Но они интересуются. Звонят вам с работы... — Шивене постоянно приходилось направлять разговор. — Геннадию каждый день звонила днем мама.

Он согласился.

— Да, ровно в восемнадцать. И в это время Оливетский всегда был дома — что бы ни случилось! Миртис драмблямс! ¹ Извините. Дурацкое выражение, вдруг стало модным... Звонят! — его снова увело в сторону. — Но как они говорят с нами! Как с детьми! «Ел?» — «Нет, старушка, голодаю». — «Ну, Тимур, серьезно!» — «Сорок суток уже на одних соках!»

— Они готовят вам... — с обидой вмешалась вдруг девочка-инспектор. Шивене показалось, что она готова расплакаться. — Заботятся!

— Делают яичницу! — вспыхнул семиклассник. — А почему? Боятся, что мы испачкаем желтком их кухни! А потом ждут благодарности! Для родителей главное — аккуратность. По вертикали! Как у меня, например. Мамин брат — «ак-куратный». Пиджак снимет, почистит, повесит... Дядя Коля тоже «ак-куратный». Папин брат — «очень ак-куратный». Наконец, тетя Люба — «оч-чень ак-куратная...»

«Дерзкий маленький болтун, — подумала Шивене. — Нелегко тебе придется! Впрочем, твой детский эгоцентризм, наверное, пройдет...»

— Это оч-чень смешно, — сказала она. — А вы сами, мальчишки, днем перезваниваетесь? Например, четырнадцатого... Ты чем занимался?

— Когда это случилось с Оливетским? — он подумал. — Собирался в дом пионеров. Хотел быстрее сделать уроки.

— Сделал?

— Кроме физики. Не знал, что задали.

— Позвонил бы Геннадию.

¹ Миртис драмблямс (литов.) — смерть слонам (шуточное).

— Геннадию? — семиклассник развел руками. — Он же сам не знал!

Настала очередь Шивене удивиться:

— Откуда тебе это известно?

— Он сам мне звонил!

— В какое время?

— Как пришли! В половине третьего... Я сказал: «Может, ничего не задали?» — «Нет, — ответил он, — задали!» — «Тогда звони Солодовникову», — сказал я. «У меня его телефона нет!» Мы никогда не звоним ему... Зубрила!

— Дальше? — напомнила Геновайте.

— Я дал телефон. Больше мы уже не перезванивались.

— Телефон Солодовникова у тебя с собой?

— Я помню. Пожалуйста.

— Как его зовут?

— Юозас. Мне можно идти?

У Солодовниковых телефонную трубку поднял пожилой мужчина, предположительно дедушка Юозаса, пенсионер. Он долго примерялся к трубке, наконец сказал неестественным, задущенным голосом, будто не на выдохе, как обычно, а на вдохе:

— Слу-у-шаю!

Шивене назвала себя, свою должность и попросила к телефону Юозаса. В ответ мужчина снова вобрал в себя необходимую порцию воздуха:

— Вы могли бы позвонить позже? У Юозаса урок виолончели...

— Тем не менее я очень прошу позвать его сейчас.

Мальчик подошел к телефону через несколько минут. Даже по телефону чувствовалось, что у трубки вежливый, воспитанный мальчик. Послушный ребенок-труженик.

— Это Юозас. Здравствуйте.

— Следователь прокуратуры Шивене. Здравствуй. Я хочу спросить... В тот день, когда это случилось с Геннадием Оливетским... Помнишь?

— Во вторник?

— Да. Тебе звонил кто-нибудь после школы насчет домашнего задания по физике?

Юозас подумал.

— Звонил. Это Римвидас!

— А Геннадий?

— Геннадий не звонил.

— Ты точно помнишь?

— Меня уже спрашивали об этом в школе. После Тимура с ним никто больше не разговаривал.

— Значит, только Римвидас...— Шивене прикинула возможные варианты.— У тебя есть его номер телефона?

— Пожалуйста...

Пока он диктовал, а она записывала, было слышно, как где-то в глубине квартиры кто-то негромко наигрывает на виолончели.

— Спасибо.

Она позвонила Римвидасу. Здесь повторилось почти то же самое. Только на этот раз трубку подняла бабушка, а мальчик занимался немецким языком.

— Сейчас...

— Аллё! — раздался звонкий голос: Римвидас был рад прервать урок.— Римвидас слушает!

Шивене напомнила ему обстоятельства того дня.

— Ты звонил Юозасу насчет физики... Помнишь?

— Помню. Он дал две задачи.

— До того, как позвонить Юозасу, ты еще кому-нибудь звонил?

— Алле Ратнер. Еще Оливетскому. Но его не было дома.

— Может, не успел подойти к телефону?

— Я долго держал трубку...

— В какое время это было?

— Около трех. Потом я позвонил Юозасу.

Разговаривая с Юозасом, Шивене не спросила мальчика, в какое время ему позвонил Римвидас, в тот момент это не играло роли.

Теперь пришлось звонить снова. Уже знакомый придушенный голос ответил раздраженно:

— Прерывается урок!

— Прошу вас,— сказала Шивене кротко.

Человек шумно вздохнул.

— Я слушаю,— вежливо произнес Юозас через минуту.

— Припомни, пожалуйста, когда тебе во вторник звонил Римвидас?

— Вскоре после того, как мы пришли из школы.

— А точнее?

— В три часа.

— Ты уверен?

— Да. Я положил трубку и сразу пошел открывать Зое Николаевне.

— Кто она?

— Преподавательница английского.

— Ты занимаешься и английским?

Мальчик вздохнул:

— По вторникам. С трех часов.

«Вот оно! — поняла Шивене. — Соседка видела Геннадия двадцать минут третьего — он шел домой. В три часа преступление совершалось или уже было совершено! Телефон звонил, но Геннадий не мог взять трубку...»

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

— Я работаю библиотекарем шесть лет. Из них четыре в этой библиотеке. На Озо. Что я могу сказать? Человек этот действительно приходил в библиотеку четырнадцатого марта. Я хорошо помню.

— Давно его знаете?

— Постоянный читатель. И он, и жена. В последнее время, правда, стал реже приходить. Говорит — работы много, меньше времени для чтения.

— Что он обычно читает?

— Всегда одно. Зарубежную литературу, большей частью детективы. Он, кстати, потерял Сименона. Четырнадцатого днем приходил договариваться.

— Как вы решили?

— Пойти ему навстречу. Он должен был найти равноценную замену.

— Вы хорошо запомнили этот его приход?

— Да. Он был немного выпивши, поэтому казался развязнее обычного. Сказал, что хотел бы прочитать «Белую книгу». О нацистах.

— Вы дали ему?

— Книга была на руках. Еще он сказал, что должен был привезти жену из больницы, но ее не выписали. Показал в окно своего приятеля, который стоял с собакой на улице...

— Вы заметили что-нибудь странное в его поведении?

— Меня удивило то, что он не спешил уйти, хотя тем для разговора в общем-то не было. Приятель ждал, а он все тянул. Спрашивал о каких-то книгах, предложил достать мне какой-то детектив. Хотя я их не люблю. «Вам надо обязательно прочитать!» Будто тянул время...

— Это вы сейчас подумали?

— Тогда. Словно хотел, чтобы я запомнила, что он приходил.

— Когда он ушел из библиотеки?

— Двадцать минут третьего.

— Не ошибаетесь? Он утверждает, что после трех.

— Сразу после его ухода я посмотрела на часы. Он был выпивши... Такое общение не может не утомлять, и конца ждешь с облегчением. Точно помню: было двадцать минут третьего.

Шивене поставила машину и вышла.

Она снова выкроила несколько минут, чтобы сделать круг по площади Гедимино, почувствовать под ногами гулкие плиты. Вечер выдался теплый, без дождя и ветра. Кроме фланирующей молодежи, здесь было много взрослых. Особенно пожилых. Скамьи вокруг были заняты.

«Течет вода под мостом Мирабо всегда...» «Чье это? Кажется, Аполлинер...» Обостренным взглядом она обвела площадь. «Наблюдение без видимой цели,— считал Ионас Петраускас,— для следователя не только тренировка. Это должно стать привычкой. Это ружье, которое в третьем действии обязательно выстрелит!»

«Завтра тяжелый день»,— подумала Шивене без перехода, не переставая приглядываться к окружающему. «Мужчина и женщина на скамье. Он что-то говорит ей, дразня, тонкой струйкой пускает в лицо дым... Пухлая, с короткими полными ногами блондинка спешит к машине, за рулем ее уже ждет мужчина. Она бежит суетливо, но невидимое течение словно сносит ее. Расстояние между нею и машиной почти не уменьшается... Подростки. Сверстники Геннадия Оливетского...»

«Есть особый аспект в делах об убийствах,— заметил однажды по какому-то поводу Ионас.— Так называемое «изменничество». Тогда она обратила внимание только на непривычное звучание слова. «Может, все-таки, «измена» или «предательство»? — «Нет,— не согласился Джонни.— В русском дореволюционном праве понятие это обозначалось именно как «изменничество». Не в каждом словаре есть это слово. У Даля, например, я не нашел. Оно указывало на квалифицирующий признак, усугубляющий вину. Например, убийство своих родителей или людей, которым убийца обязан своим содержанием в детстве. Понимаешь? А еще типичное изменничество — это убийство из засады... убийство близким человеком».

Мысли о деле текли на фоне ни к чему не обязывающих наблюдений. «...Маленький магазинчик, величиной с палатку чистильщика обуви... Две старухи, похожие друг на друга, крепкие, с запавшими верхними губами, в одинаковых пальто. Улыбаются, как убежавшие с уроков школьницы...»

По пути домой Шивене в который раз сформулировала все тот же вывод: «Конечно, это был с в о й. Геннадий не впустил бы по-

стороннего. И преступник заранее знал, что не оставит свою жертву в живых.

«Изменничество!» Другого слова не подберешь...»

У дома уже припарковалось много машин. Так бывало всегда, когда она приезжала последней. Шивене едва разыскала место для «Жигуленка», правда, не очень удобное: соседний «Москвич», выезжая, мог задеть. На всякий случай она записала номер «Москвича» и бросила бумагу на сиденье. «Завтра начнется крик, когда будем разъезжаться».

Перед тем как войти в подъезд, она привычно взглянула на окна. В ее квартире на первом этаже было темно. Сын спал.

Много лет назад всей семьей они приехали сюда, к еще строившемуся дому, в котором им предстояло жить. Ходили между гор строительного мусора, кирпичей. Трехлетний Раймундас, воспользовавшись суматохой, проковылял к лестнице и поднялся на третий этаж. Шивене обмерла, увидев сына, весьма довольного собой, вверху, на бетонной плите без ограждений. В ту минуту она дала клятву себе — жить только на первом этаже. Страшный зарок матери, которая уже простилась с сыном навсегда...

Стоило ей войти — сразу зазвонил телефон. Она сняла трубку.

— Говорит Репин. Потеряли вас... Задержан Желнерович. Дядя.

— Далеко?

— Здесь, в Вильнюсе. На автовокзале. Вы приедете? Я везу его к вам, в прокуратуру.

У Желнеровича оказалось больное, небритое лицо, пегие, непонятного цвета волосы на висках. Брат матери Геннадия был явно не в лучшей своей форме. По дороге Репину удалось установить с ним подобие контакта. С молчаливого согласия Шивене он продолжил начатый в машине разговор.

— Значит, вы не хотели, чтобы автоинспектор, который вас вез, знал про Вевис и про судимость... — Репин вводил Шивене в курс дела.

— Мы жили рядом. Соседи. Стыдно!

— Вышли из машины раньше и переночевали у случайных людей?

— Да.

— И пятнадцатого пробыли у них, не пошли на работу?

— Я не мог появиться без шоферских прав.

— Почему вы не позвонили сестре? Она или Геннадий подвезли бы вам документы.

— Я звонил! Всю вторую половину дня...— Желнерович не знал или делал вид, что не знает о случившемся.— Никто не брал трубку. Я несколько раз звонил!

Шивене решила, что ей самое время вмешаться.

— Четырнадцатого марта вы не работали...

— Я приезжал к Паламарчукам за документами.

— Куда именно?

— На Виршулишкес...— ладонь его заскользила по небритому лицу снизу вверх, против щетины. Казалось, он испытывал наслаждение, раздражая кожу.

— Взяли документы?— с этого момента допрос повела Геновайте. Репин осторожно отставил стул, показывая, что устраивается.

Желнерович качнул головой.

— Я никого не застал...

— Расскажите подробнее. Когда вы приехали к дому сестры?

— Около трех. Может, без двадцати три.

— Кого вы рассчитывали застать? Сестру?

— Племянника. Обычно он с двух часов дома...—

Желнерович скользнул бегающим взглядом по лицу следователя,—но на этот раз никто не открыл!

— У вас что-нибудь было при себе?

— Только белье. Хотел постирать у сестры.

— Геннадий знал, что вы должны прийти?

— Родители знали. Могли предупредить.

— Дальше.

— Я решил, что Геннадий задержался в школе. Сходил в «Сатурнас». Доехал до Лаздинай, снова вернулся. Это было уже, наверное, около четырех. А может, в пятом часу.

— Кто-нибудь стоял в это время у подъезда?

— Стоял, кажется. Но я не обратил внимания,—он снова принялся за щетину на подбородке.

— А потом?

— Потом я понял: если даже и возьму права, на работу сегодня уже не попаду. День пропал. Столько всего наметил...

— А именно?—спросила Шивене.

— Сдать пиджак в химчистку. И вообще...

— Вообще?!

Геновайте показалось, что у него заблестели глаза. Он осторожно, пальцем, отвел слезу. Сбивчиво заговорил:

— Что-то надо решать! Не парень! Тридцать пять лет. И нет угла. Пойти домой не могу. Если скандал—тогда уж обязательно посадят...— Желнерович намекал на какие-то шаги по переустройству личной жизни. Потом снова вернулся к обстоятельствам поездки к сестре.— От всех прячусь... А паспортистка на

весь автобус: «Почему не выписываешься? Все равно выпишем!» Все смотрят! Пришлось выйти на Латвию, пересест в другой автобус...

— Вы видели паспортистку в тот день? — спросила Шивене.

— Когда ехал за правами... Как меня могут выписать? Я там вырос. Там прописаны моя мать, ребенок! Лишат вильнюсской прописки?!

— Как зовут паспортистку? Знаете?

— Ромуальда.

Пока следователь заполняла протокол, Репин поднялся и вышел из кабинета. Вернулся он минут через десять. По спокойному лицу было трудно понять, удалось ему найти паспортистку, подтвердила она показания Желнеровича? Он подсел к столу, вынул ручку, написал на листке бумаги: «Ромуальда Пожелене, паспортистка. Действительно видела Желнеровича в автобусе на Латвию в половине третьего...» Шивене поставила карандашом резолюцию: «Алиби. После допроса пусть едет в Вевис».

Желнерович простился. Вышел. После допроса Репин снова поднялся. Грузный, в кожаном пальто, которое он так и не снял, майор зашагал по кабинету. Подошел к окну, тяжело повернул назад, остановился перед столом. В кармане пальто инспектора что-то металлически щелкнуло. «Наручники... — подумала следователь. — Только преступник пока не пойман».

— А может, действительно сумасшедший? — сказал вдруг Репин. — Сбежал из-под надзора? — Он достал вчетверо сложенную бумагу. — Тут случай описан. — И начал читать вслух: — «В деревне Т. в своем доме зверски убиты...» Вот! «Характер преступления позволял выдвинуть версию о том, что оно совершено душевнобольным человеком... — Он взглянул на Шивене. — Следователь изъял с места происшествия волос преступника, направил на судебно-биологическую экспертизу. При исследовании в ядрах клеток... — низкий голос инспектора звучал почти торжественно, — был найден двойной половой у-хроматин, что свидетельствовало об аномальном развитии». Слушаете?

— Да.

— «Было высказано предположение, что преступник — человек большого роста, обязательно выше своих родителей, с астеническим телосложением, не имеющий детей, по характеру агрессивен, с пониженным интеллектом... Подобная аномалия встречается у двух-трех человек на десять тысяч. С учетом указанной вероятностной характеристики личности преступник был быстро задержан...»

— Интересно, — согласилась Шивене.

— И что же?

— Это не наш случай. Не надо терять времени...

Ее прервал телефон.

— К вам гражданин Паламарчук, отец убитого мальчика...— девушка-сержант, дежурившая у входа, не была посвящена в семейные тонкости потерпевших.

— Спасибо. Пусть пройдет.

— Не спится. Вижу, свет у вас...— Паламарчук поднял лежавшую перед ним на столе скрепку, подержал.— К Ольге пока не пускают. Положение серьезное.

Он поправил волосы, свисавшие по обе стороны крутого оголенного свода головы. Шивене заметила, как дрожит держащая скрепку рука. Паламарчук выглядел иначе, чем в ту ночь, но так и не смог прийти в себя.

— Я и сам не отошел. Помню только: стою посреди прихожей, в руке кусок ручки от утюга... И не могу сдвинуться с места!

— Есть какие-нибудь новости?

— Не знаю, известно ли вам? В ночь перед несчастьем кто-то позвонил в дверь на восьмом этаже. Сосед поднялся, посмотрел в глазок. Никого!— Паламарчук вздохнул.— Сосед все-таки открыл... Слышит внизу быстрые шаги... И вроде к нашей двери.

Шивене покачала головой:

— Нет, неизвестно.

— Еще. В конце года я потерял ключи от двери. Чужие люди принесли. Часа через три!

— Оставим это! Давайте вернемся к тем, кто бывал у вас.

— Но это же все наши знакомые или родственники! Ольги и мои!

— У ваших родителей была большая семья?

— Семеро детей. Пятеро братьев, две сестры. Между старшим и младшим разрыв примерно лет шестнадцать. Даже семнадцать... Сейчас все работают, у всех свои дети.

— Встречаетесь?

— Редко. Может, из-за разницы в возрасте...— он опять провел рукой по волосам.— Я не люблю ходить по гостям. Да и они тоже. Видно, так нас воспитали.

— А все-таки?

— Иногда годами не видимся, иногда в год по несколько раз...— он подумал.— Хотя живем и не особенно далеко. Виршулишкес, Жверинас, Науйининкай. Только один брат в Минске.

— Звоните друг другу?

— К чему? Встретишься иной раз в магазине или на улице, поговоришь. Вот и все.

— Родители живы?

— Только мать.

— Помогаете?

— Она живет с младшей сестрой и ее мужем. В семье. Если б одна, может, и помогали бы. Семьдесят два года... Еще крепкая!

— Вы могли бы дать их адреса?

Паламарчук замялся:

— У меня и нет всех. Кто переехал, кто сменил адрес.

— А если поедете с инспектором на машине? Показать сможете?

— Вряд ли...— он почувствовал неловкость.— У некоторых и не был никогда. Все самостоятельные, отошли друг от друга. Не то что когда-то... Один брат — инженер. Жил на Крокувос. Теперь переехал. Часто в командировках. Борислав, тот помоложе, года три назад получил квартиру где-то недалеко от Виршулишкес. Он к себе не приглашал, и я у него не был. Когда жил на Лепкальне, у них не было ванной. Тогда часто виделись: приходил к нам мыться... Одна сестра работает на заводе, живет с семьей. Другая — старая дева. Еще Николай в деревне.

— Вы старший?

— Старший — Павел. Тот, что в Минске. Я говорю: видимся редко!

— Тогда, пожалуй, вы не сможете дать их характеристики. И вряд ли знаете, кто как жил в последнее время...

— Пожалуй...— Паламарчук кивнул.— Только и мне в жизни мало кто помогал. С четырнадцати лет вкалывал. Все этими вот руками. Сам стал на ноги...— он взглянул на следователя.— Квартиру нашу видели... Не хуже других жили! Цветной телевизор, пианино. Велосипед у Геннадия был, продали. Летом собирались взять мотороллер...

У жены Желнеровича были маленькие руки, мягкие черты лица, округлые линии подбородка, шеи. Она повесила плащ и села к столу против следователя.

— Ко мне приезжали, интересовались моим бывшим мужем, Желнеровичем. Теперь я знаю. Это в связи с убийством племянника. Так?

Шивене кивнула.

— Конечно, в нашей с ним семейной жизни было всякое. Но на такое он не способен!

Свидетельство бывшей жены только подтвердило наличие тупика, в котором пребывало следствие.

— Спасибо, что пришли.

— Бедная Ольга, — женщина вдохнула. — Как она? Говорят, все еще в больнице, в тяжелом состоянии?

- Как раз сегодня я собираюсь ее увидеть.
- Такое пережить!
- Что вы можете сказать о ее семье? О тех, кто их навещал? Желнерович задумалась.
- Особенной близости между нами не было. Ольга — хорошая мать, отменная жена. Не мне чета! Но... — она покачала головой. — Я не могла бы так жить. Тихо, благостно. Цветной телевизор, скатерть. Тапочки для ног. А что еще? По воскресеньям они играли в лото! Вдвоем!
- Наверное, и читали тоже?
- Только «Овощные блюда», «Молочно-кислая диета»... Что-нибудь еще в том же роде. Никто их не навещал. Разве случайно.
- Когда вы видели их в последний раз?
- В декабре. В магазине на проспекте Ленина. Они тогда купили огромную вазу. Громадную!
- Я видела ее.
- А зачем? Пыль собирать? Да спустись они чуть дальше по проспекту, на площадь... Столько интересного!
- Материально они хорошо живут?
- Деньги всегда были. Паламарчук экономный, зарабатывает. Все-таки огранщик! Сам ведет бюджет. Ольга в цехе тоже прилично получает. Да еще моя бывшая свекровь, ее мать!
- А что она?
- Жила раньше на хуторе. Работала, бедствовала. Тянула детей... Муж не помогал, ушел в другую семью. Через несколько лет двоюродный брат предложил переехать в Вильнюс. Он протезист был, частник. Горбун. Семьи никогда не имел, деньги водились, — Желнерович налила воды из графина, словно нехотя выпила. — Свекровь переехала к нему. Он, как бывает, привязался к детям, помог получить образование, содержал всех. Когда умер, все перешло к свекрови... — она отставила стакан. — А может, дальше... К Паламарчукам. А где ей хранить? Свекровь вынуждена жить со мной, с чужим ей, в сущности, человеком. К тому же этот раздел имущества... — она помолчала. — У покойного были любопытные вещицы. Я помню золотой обруч, кулон с изумрудом...

ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Типовая версия

Убийство в закрытом помещении (в квартире, в домашних постройках). С причинением, как правило, большого числа телесных повреждений в разных частях тела...

Вариант Б

Убийство могло совершить лицо, проживающее по соседству или даже по месту совершения преступления.

Возможные мотивы: антиобщественное поведение убийцы, корысть...

ИЗ ПРИГОВОРА ВЕРХОВНОГО СУДА ЛИТОВСКОЙ ССР ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ГЕННАДИЯ ОЛИВЕТСКОГО

...Обстоятельств, смягчающих ответственность подсудимого, судом не установлено. Подсудимый совершил преступление в отношении несовершеннолетнего и являлся его родственником... Способ совершения преступления удивительно жесток, что свидетельствует о бесчеловечности подсудимого. Мотивы преступления глубоко аморальны. Эти обстоятельства свидетельствуют об исключительно высокой степени опасности совершенного преступления, в связи с чем необходимо применить исключительную меру наказания...

ИЗ ПРОТОКОЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА ЛИТОВСКОЙ ССР ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ГЕННАДИЯ ОЛИВЕТСКОГО

Подсудимому предоставляется последнее слово.

Подсудимый: «Я прошу сохранить мне жизнь».

Суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора.

Суд возвращается в зал заседаний. Председательствующий оглашает приговор и спрашивает участников процесса, поняли ли они приговор.

Участники процесса приговор поняли. Заседание окончено 19 июня в 16 часов.

ИЗ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕЙ

— Врач не разрешил вам долго говорить...

— Я знаю. Но мне лучше, когда я выговорюсь. Геннадий был очень послушный мальчик. Тихий. Не капризничал. Не требовал особого внимания, как некоторые дети. Рано осознал свое положение. Только в последнее время постепенно стал отходить. Мой второй муж, Паламарчук, его никогда не наказывал, не унижал. Правда, был требователен в вопросах воспитания. Хотел, чтобы Геннадий рос правдивым, честным, опрятным, физически развитым. Готовил к службе в армии. Благодаря ему мальчик научился плавать, заниматься гантелями и на турнике. Несмотря на то что у нас есть ванная, водил в баню, в парилку. Разговаривал с ним всегда как со взрослым, не сюсюкал. Говорил, что привык к этому, когда был на срочной службе.

— Как было четырнадцатого?

— Утром Геннадий, как всегда, пошел в школу. Я уходила к двенадцати. Приготовила обед. Оставила на плите первое, чтобы он подогрел. На столе в кухне поставила сковородку — курицу с картошкой. Компот. Написала Геннадию записку, чтобы сразу, как придет из школы, переоделся и сбегал в магазин за тетрадями. Оставила пятьдесят копеек, серебром и медью.

— Вы звонили ему с работы?

— Обычно я звоню в восемнадцать, перед тем как закрывают диспетчерскую, где у нас телефон. Сын старается в это время быть дома, чтобы меня не расстроить... В этот раз к телефону никто не подошел. У меня сразу упало сердце. Еле тянула до конца смены. И вдруг: «Ольга Ивановна! Иди! У тебя дома несчастье...»

— Как вы думаете, кому Геннадий мог открыть дверь?

— Муж много раз предостерегал его. Рассказывал разные истории. Поэтому я думаю, что чужого Геннадий в квартиру не впустил бы.

— Известно, что у вас хранились в квартире ценности. Золотые вещи, деньги.

— Это все принадлежит матери. Она боялась держать у себя.

— Кто был дома, когда она перенесла это к вам?

— Никого. Только свои. Геннадий мог что-то слышать, но точно ничего не знал. И тем более не знал, где все хранилось.

— Давно ценности у вас?

— С месяц.

- *Вспомните, кто был у вас в доме после этого?*
- *Только близкие.*
- *Только?*
- *Постойте. Вы правы: один человек! Он пришел с братом мужа, с Бориславом. Недели три назад...*
- *Пожалуйста, подробнее.*
- *У меня совершенно вылетело из головы... Высокий, крепкий. Лет тридцати. Разговаривал с Геннадием об авиамоделях.*
- *Днем? Вечером?*
- *Поздно вечером. Был он немного выпивши. Геннадий еще не спал. Заинтересовался... Он увлекался техникой. Долго сидел со взрослыми за столом. Борислав рассказывал мужу о своих делах, они редко видятся. А Геннадий расспрашивал о моделях. Знаете, о чем я сейчас подумала? Меня даже затрясло.. Сын мог случайно что-то сказать... Уж очень сразу они подружились!*
- *Гости долго оставались у вас?*
- *Мы с Геннадием ушли спать. Они все сидели. Утром муж сказал, что они проболтали всю ночь.*
- *Выпивали?*
- *Очень мало. Муж достал бутылку из бара. Не знаю, допили ли они ее втроем. В основном пили кофе.*
- *Этот человек заходил к вам после того?*
- *Нет. Брат мужа заходил. С сыном. Нас не было дома. Он оставил Геннадию ножи для мясорубки. Брал наточить... Постойте! Я вспомнила! Тот человек работает с Бориславом... Мастером! Зовут его Юргис! Вы уже уходите, следовательно?*
- *Я скоро вернусь. Очень скоро.*

Шивене прошла в ординаторскую к телефону, набрала номер райотдела. К счастью, инспектора уголовного розыска, входившие в ее группу, оказались на месте. Трубку снял Репин.

— *Есть срочная работа,— сказала Геновайте.— Самая срочная!*

Но это все потом...

ПЯТНАДЦАТОЕ МАРТА. МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСМОТРА

Дверца антресоли со стороны ванной оказалась раскрытой. Домашняя аптечка скинута на пол. В коридоре валялась сброшенная с антресоли старая дамская сумка — ридикюль. Под толчком между распахнутыми створками виднелись пакеты стирального порошка, пылесос.

Шивене поднялась на стремянку, чтобы самой все лучше увидеть.

— Резиновые сапоги, рюкзак, бак для белья...

Она попросила Паламарчука подойти.

— Что хранилось на антресоли? Вспомните...

Он молча хрустнул переплетенными пальцами.

— Может, это ключ ко всему. Кроме того, мы не собираемся ни о чем широко оповещать...

— Мы боялись, что могут залезть...— Паламарчук взглянул на понятых, они сочувственно закивали.— Жена кое-что припрятала. Все было завернуто в платок...

— Какой-то платок я видел в спальне,— вставил Антоновас.— Под пуфом. Сейчас.

— Это он!— сразу сказал Паламарчук, увидев платок.— Жена заворачивала в него свои украшения: два кольца, кулон. Еще несколько вещей. Значит, их взяли!

— В доме были еще ценности?— спросила Шивене.

— Теща принесла. У них в квартире содом и гоморра. Сын разводится, делит имущество с женой. Старуха боялась, что все пропадет, принесла к нам...— Паламарчук показал на антресоль.— В пылесосе лежат.

С помощью Паламарчука Антоновас спустил круглый, похожий на мяч пылесос, обвитый гофрированным шлангом. Паламарчук снял пылеприемник. Под ним оказался тряпичный сверток, второй такой же лежал внутри шланга.

— Вот! Все цело!

— Развяжите,— предложила Шивене.

В обоих свертках лежали золотые вещи. Несколько колец, золотой обруч, несколько изумрудов в оправе, похожих на выпученные глаза глубоководных рыб. Кроме того, здесь находилось завешание, свидетельство о смерти стоматолога, около десяти тысяч наличными, сберегательные книжки.

— Мальчик знал о ценностях?— спросила Шивене.

— Про эти, в пылесосе, не знал.

— Кто, по-вашему, мог еще знать о сберегательных книжках, о золоте?

— Только мы с женой! Ничего не могу вспомнить. Как во сне,— сказал Паламарчук.— Жена вам все скажет...

— С нею разрешат говорить еще не завтра. И даже не послезавтра...— видя, что ей ничего не добиться, Шивене перевела разговор.— Где обычно лежали деньги?

— В шифоньере. Иногда в спальне. Определенного места у жены не было. Могла положить в шкаф. Но она всегда знала, где они лежат сегодня. Небольшие суммы могла оставить в баре.

- Значит, кроме украшений, нет только мелочи на тетради?
- Еще пятидесяти рублей Желнеровича, которые лежали с документами.
- Вещи все целы? Одежда, хрусталь?
- Все на месте.
- Внимательно осмотрите бар.
- Вроде все цело!
- Спиртное?
- Две бутылки...
- Исчезли?
- Да. Бутылка молдавского коньяка. И бутылка водки. Коньяк «три звездочки».
- А какая водка? Это важно.
- Обычная. «Скайдрёйи».

Нежные голоса скрипок взмыли ввысь как-то неожиданно. Торжественная жалобная мелодия поплыла в подсиненной хмари.

У подъезда дома на Виршулишкес было много школьников и взрослых. И много цветов. Собирался дождь. Люди держали наготове зонты.

Шивене стояла со всеми, у арки. Она едва успела сюда между двумя допросами.

В студенческие годы, бывало, сокурсники бравовали, повторяя положенные кем-то на трагический мотив нелепые слова: «Тетя хохота-а-ала, когда она узна-а-ала, что у-умер наш дядя, не оста-а-авив ничего...» Но даже идиотские слова ничего не могли сделать с музыкой. Ничто не могло одолеть ее великого трагизма.

Из подъезда вышел человек. Невысокого роста, без шапки. Лицо было плохо видно. Шивене сделала попытку протиснуться ближе, это ей не удалось. Вокруг тесно, плечом к плечу стояли люди. Человек нес крышку гроба.

Потом вынесли гроб.

Кто-то позади Шивене спросил шепотом: «Неужели его не найдут?» «Найдут!» — ответило несколько голосов.

Геновайте, не отрываясь, смотрела вперед, на подъезд. Она знала: убийца, скорее всего, сейчас там! Он должен был прийти, потому что его отсутствие могло привлечь внимание. Недаром она увидела впереди обе жесткие шляпы инспекторов.

Снова взлетели над толпой трагические звуки. Машина с гробом медленно двинулась под арку. Шивене шла со всеми. В глазах ее стояли слезы. Мысленно она обращалась к убитому мальчику: «Мы не были знакомы, никогда не виделись при твоей жи-

зни. Но именно я стала твоим душеприказчиком! Исполнителем последней воли — найти убийцу! Как мы связаны теперь все трое: ты, твой убийца и я, следовательно... Ты — моя боль! Но я ничего другого не могу сделать для тебя, только найти убийцу...»

Мимо прошел хмурый Буславичус. Они молча кивнули друг другу.

«Можно поставить вопрос иначе! — возразил кому-то Ионас Петраускас, когда его аппонент заметил, что у следователя должны быть железные нервы, чтобы никто никогда не мог играть на них. — Нужна ли вообще человеку боль? Ощущение физического и душевного дискомфорта? Куда как легче жить бесчувственной деревяшкой! Сколько сил уходит даже на самую простую и кошмарную — зубную боль! Но ведь именно боль свидетельствует о том, что в организме не все благополучно! А душевная боль? Разве она тоже не сигнализирует о неблагополучии? Собственном или другого человека? Так какой следователь совершенней? Бесчувственный или способный чувствовать чужую боль? Какого бы вы предпочли, если бы разрешалось выбирать самому себе?»

После допроса матери Геннадия и инструктажа инспекторов уголовного розыска Шивене впервые за эти дни почувствовала себя спокойно и уверенно. Зашла в соседний кабинет к Антоновасу, выпила с коллегами кофе. В восемнадцать посмотрела на часы, поднялась. Она знала, что в этот день все равно больше ничего не сможет. «Завтра все решится...» — подумала она.

Прокурор города, возвращавшийся из исполкома, увидел ее во дворе, когда она садилась в машину, посмотрел на часы:

— М-да... Как я понимаю, преступление вот-вот будет раскрыто? — Эти дни ему тоже дались нелегко. Приходилось объяснять в разных инстанциях: «Органы прокуратуры и министерства внутренних дел принимают меры к розыску убийцы. Раскрытие преступления не требует широких оперативно-штабных мероприятий, привлечения к розыску всего личного состава и дружинников. Работу оперативной группы возглавляет один из наших лучших следователей. Это, если можно сравнить, хирургическая операция, требующая минимума специалистов, вер-

ный глаз и твердую руку».— Значит, появился просвет? Я не ошибся, Генуте?

— Похоже.

— Почему же я об этом не знаю?

— Мне пока еще нечего положить вам на стол.

— Вы далеко сейчас? — он попытался зайти с другой стороны.

— В прачечную. Всю неделю не могла выбраться. И холодильник пуст... По-моему, все решится завтра.

— Значит, до завтра? — прокурор был человеком спокойным и воспитанным. Без комплексов.— Лучше, если мы переговорим в первой половине дня. К вечеру меня обязательно спросят о перспективах еще в двух-трех местах.

Геновайте поехала на Раудоносёс-Армийос самым длинным круговым маршрутом. Регулировщик, стоявший у Латвю, узнал ее, поднес руку к козырьку. Она не отреагировала, спохватилась, проехав уже несколько улиц. Она думала о своем...

— Мастер Юргис? — переспросил Репин по телефону.— Этого совсем недостаточно, чтобы человека найти на комбинате, где работают тысячи людей!

— Поинтересуйтесь у брата Паламарчука — Борислава: с кем он приходил месяц назад? — разрешила она.

— Теперь нет проблем! — заверил ее Репин и тут же снова спросил: — Вы уверены, что все на мази?

— Сердце подсказывает... Говорят: в разуме нет ничего, что не содержалось бы раньше в чувствах!

— А если все-таки попытаться разумом?... — Репин был не так уверен, как она.

— Это человек, которому мальчик мог открыть дверь... Последний из посторонних, кто был в течение месяца... В его присутствии Паламарчук мог говорить с братом о Желнеровичах, о свекрови... О ее заботах.

— Я понял! К началу работы Юргис будет у вас...

На Жюгжды Шивене удивительно легко сделала поворот. Она загадала, как делала не раз: если получится это, значит, с тем будет в порядке! Получилось. Иначе, впрочем, и не могло быть.

Психологический портрет преступника... Много о нем она уже знает. Но есть деталь, которая позволяет полностью моделировать облик убийцы. Пятьдесят копеек, оставленные матерью Геннадий на тетради... Почему он их взял? Жадность? При-

бавить к девяносто девяти рублям пятидесяти копейкам, чтобы стало сто? Эконом?!

Впереди, слева, возникло тонкое, как жало, острие телебашни. Оно быстро вытягивалось, поднимаясь над окрестными холмами, — длинное, двухцветное, с утолщением посередине. И сразу же справа и слева — со всех сторон стали появляться и расти дома: мозаика балконов, знакомые плоские крыши — неповторимый ландшафт пространства, замкнутого внутри раскинувшихся до горизонта разномерных зданий.

«...Другая посылка: все, кто бывал в квартире Паламарчуков, люди семейные, работающие. И если преступник все же не брезгует столь ничтожной суммой, значит, он крайне нуждается в деньгах... Я нашла! Он нуждается в личных деньгах! В тех, что не учтены женой! Потому что пьет! Поэтому и прихватил из бара коньяк и водку».

Свернув на Архитекту, она поехала медленнее. Привычно заставила себя фиксировать внимание на прохожих. «Мужчина с полной свертков авоськой. Женщина с зеркальцем на переходе. Спешит что-то убрать с лица, пока ее спутник уткнулся в пачку сигарет. Девочка с королевским пуделем...»

Видимость была хорошей. Тянувшиеся на много километров вокруг дома, казалось, нигде не заслоняли друг друга.

Мысль снова увела ее: «...Но, хотя он пьет и нуждается в деньгах на выпивку, взятые им пятьдесят копеек — только штрих! Он приходил не за мелочью. Решающим был, наверное, тот визит к Паламурчукам. Переливчатый звук бамбуковых стаканчиков. Богатая люстра. Хрустальные ладьи, салатницы. Бьющее в глаза благополучие. Разговоры об оставленном горбуном-протезистом сказочном богатстве... И стражем всего не свирепый джинн, а самый что ни на есть обыкновенный мальчик, который один в квартире с половины третьего до четырех дня, пока не приходит отчим. Худенький, серьезный мальчик, который с таким интересом расспрашивает об авиамоделях... Преступник, наверное, не сразу решился. После визита прошел месяц. Одно дело — мысленно уноситься вслед за фантазией, пролить неживую кровь. Другое — пойти на бесповоротное, страшное...»

Шивене представила, как, направляясь на Виршулишкес четырнадцатого, преступник, может, даже надеялся на то, что ему что-то помешает. Он не взял с собой орудия преступления. Все, что он использовал, лежало в кухне, в маленьком выдвижном ящике кухонного стола. Может, даже звоня в дверь, он все еще

думал, что ничего не произойдет. И только переступив черту, понял, что сжег мосты. Поэтому все было таким нескончаемо тяжким для мальчика.

«А может, он циничнее, решительнее? Удачливее? «Управился» до половины четвертого, еще до того, как соседка снова вышла с коляской. Его не видел дважды подходивший к поезду Желнерович. У него были все основания считать, что все обошлось. Может, только несколько мазков крови на одежде или царапин. Следов он не оставил, потому что в квартире, должно быть, не снимал перчаток. А потом постирал их или уничтожил. Прошел день, другой. Шесть дней... Сейчас, наверное, спокоен».

Геновайте «отоварились» в универсаме на Раудоносёс-Армийос. Народу было немного. В хлебном отделе ждал сюрприз — любимый хлеб «паланга». К тому же еще теплый. «Белорусский» сыр. В прачечной посетителей оказалось тоже мало. Почти не пришлось любоваться схемами пришивания меток, отогнутыми уголками простыней, пододеяльников.

У выхода какой-то мужчина нудно спрашивал всех:

— Как проехать на Танкисту? Я на «Волге»...

Ему объяснили:

— По Панярю.

— Там знак!

— Под знак не надо.

Геновайте показалось — это писатель, книгу которого она так и не смогла дочитать с месяц назад. Она увильнула от распросов.

«Скорее бы наступило завтра!..»

Дома, раскладывая чистое белье, она нашла в кармане кофточки смятую записку Раймундаса. Забыла ее вынуть, когда сдавала белье в прачечную. «Мама, — писал сын, — купи, пожалуйста, два фломастера, синий и красный. И еще тетрадей...» «Не забыть купить... — подумала Геновайте. — Но каково качество стирки! Текст сохранился полностью...»

ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Латинская юридическая фразеология

Никто не должен получать выгоду от совершенных преступлений.

Преступления против естества — суть тягчайшие.

Чтобы немногие пострадали, но чтобы все боялись наказания.

Наказание должно быть тем строже, чем интенсивнее злая воля.

Безнаказанность приводит к совершению еще более тяжких преступлений. К ребенку нужно относиться с величайшим уважением.

Первым в кабинет вошел брат Паламарчука — Борислав, дядя убитого мальчика. Высокий, как у Паламарчука-старшего, свод черепа с начинающейся узкой, от лба к затылку, плешью; тот же чуть сваленный набок нос; очки с толстыми стеклами. Он остановился у двери. Был немногословен.

— Мне передали, чтобы я привел Юргиса. Он здесь, в коридоре. Я могу идти?

— Пожалуйста, подождите, — попросила Шивене.

— Мы здесь с девяти. А мне еще на кладбище!

— Но прокуратура работает с десяти часов.

— Нам так передали.

— Хорошо. Попросите ко мне Юргиса.

— Юргис!...

Тот вошел в кабинет. Высокий, тяжелый. На вид не больше тридцати. В глазах животный страх. Глыба на подворачивающихся, точно ватных, ногах. Он остановился посреди кабинета.

— Садитесь, — Генуте в самых смелых предположениях не допускала такое.

— Я постою... — он смотрел на следователя, как на хирурга, который должен объявить последний страшный диагноз.

— Берите стул.

Он сел. Руки его дрожали.

— Расскажите о вашем визите к Паламарчукам... — Она могла и не спрашивать, Юргис все равно не слышал. Ему казалось, что он заговорил первым.

— Я все расскажу. Я ночь не спал, когда мне передали, что в прокуратуре интересуются... Это было с месяц назад. Жены не

было, только я и тесть. Зашел Борислав Паламарчук. Вместе работаем. И сестра его в нашем цехе... «Чего дома сидеть! Пользуйся...» Тестю сказали, что вызвали на работу. Сначала пошли в бар. Потом Борислав предложил засхватить к его брату... — он судорожно глотнул. — Отправились туда. Выпили. Потом еще. Сидели... Транспорт прекратил работу. Прошу, не сообщайте жене! Стоит только раз выйти из доверия!.. Жена уже интересовалась, хочет сходить к начальнику цеха...

— Выпиваете часто?

— Я? Обычно совсем не пью.

Раздался звонок. Репин.

— Он у вас? В кабинете?

— Да. Какие новости?

— Мне кажется, пустой номер. Под каблуком у жены и тестя. Держат его в ежовых рукавицах.

— Как материально?

— Обеспечен. «Запорожец» последней модели. Тесть — пенсионер республиканского значения. Ко мне есть что-нибудь?

— Вызовите сестру Паламарчука, она работает на заводе в том же цехе. Антоновас допросит. Перечень вопросов у него есть.

— Понял, — инспектор положил трубку.

— Вы простите меня, следователь? — Юргис буквально прорыдал эти слова. Он достал из кармана бумагу. — Я здесь все написал. Больше этого не повторится.

Шивене взяла объяснение.

— Успокойтесь. Идите. Поговорим потом.

— Вы не скажете жене, следователь? — он заплакал.

— Всё.

Несколько минут Шивене молча смотрела в огромное, во всю стену окно. Эти громадные окна были притчей во языцех в прокуратуре города и республики. О них часто говорили. Чтобы проветрить помещение, надо было оттянуть снизу вверх укрепленную в середине на шарнирах громоздкую фрамугу. А зимой... Когда-то Шивене поклялась, что разыщет строителя, облагодетельствовавшего их такими окнами. И действительно нашла. Он проходил свидетелем по какому-то делу — маленький щуплый человечек, столько лет владевший их умами и разговорами. Он и не подозревал о причиненных им неприятностях.

Шивене услышала, как приоткрылась дверь. Борислав Паламарчук.

— А я все сижу в коридоре, следовательно! — Голос кроткий. Так чистый Авель, должно быть, явившись во сне жестокому Каину, вопрошал незлобиво, благостно: «Где убиенный тобою брат твой, Каин?» И Каин просыпался в холодном поту. — И, между прочим, с девяти часов!

Глаза Паламарчука за толстыми стеклами очков глубоко запавшие, но сами зрачки сильно увеличены. Лицо чистое. Но справа на щеке, у глаза, Геновайте разглядела две еле заметные тонкие царапины. Точнее, их следы.

— Я бы мог и подождать, — сказал Паламарчук уже более уступчиво. — Но надо ехать, заказывать надгробие. Брат просил. Кроме того, жена лишь несколько дней как выписалась из больницы, сама пока еще ничего не может...

От него пахло.

«Попивает... — Шивене внимательно следила за ним. — Образ преступника я моделировала правильно, только спутала имена».

Наступил звездный ее час.

— ...Потом мне еще на работу бежать, следовательно! — Паламарчук был слишком спокоен, чтобы заметить приближение опасности. Защите предпочел наступление. — А когда вы обрадуете нас, родственников? Нам говорили, что следовательно у нас не только самый опытный в прокуратуре, но и самый обаятельный. Теперь я и сам вижу. И все же? Сколько времени прошло, а розыски на мертвой точке!

Шивене не выдавала себя, хотя уже знала, чувствовала: он! И неуклюжий комплимент только подтвердил ее уверенность: до лести ли, когда искреннее горе?!

Она начала издалека, вроде оправдываясь:

— Со дня убийства прошла неделя. А я все еще в тупике и нуждаюсь в помощи. Особенно со стороны близких погибшего мальчика.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

— *Кутьин Сергей Трифонович. Работал тренером по волейболу в профессионально-техническом училище вместе с Хомутовым. Там и познакомились.*

— *Расскажите о его визите к вам четырнадцатого марта. Вы в тот день не работали?*

— *Я был на больничном. Растянул связку на ноге, не мог про-*

водить занятия. Накануне, тринадцатого, мы с Хомутовым договорились, что он зайдет. Отметит свой уход в отпуск...

— Я слушаю.

— Хомутов появился примерно в три часа дня. С собакой. Восточно-европейской овчаркой. Дома были я и дочь. Я поинтересовался у Хомутова, что за собака. Он сказал: «Соседа. Сам Слава пошел в магазин, сейчас принес что-нибудь выпить». Мы хотели устроиться в кухне за столом. Но собака начала нервничать, скулить. Кроме того, грязные лапы: на улице таяло.

— Дальше.

— Вот-вот должна была прийти с работы жена. У нее занятия заканчивались в три. Мы решили: лучше улетучиться. Взяли бутылку «Русской», которая была у меня, консервы, хлеб. Пошли с собакой на улицу, к оврагу. Знаете это место?

— Знаю.

— А дочь я предупредил: когда приятель Хомутова позвонит, пусть скажет, чтобы шел прямо к оврагу.

— Дальше.

— Так и было. Слава принес еще выпивки.

— Он скоро пришел?

— Я думаю, в половине четвертого. Допили бутылку, что была у меня. Немного поиграли с собакой — бросали ей апорт. Дуррачились. Потом пришла дочь. Сказала, что мама уже дома и ждет нас. Мы вернулись. Жена приготовила закуску. Выпили. Посидели на кухне. Потом Хомутов захмелел, мы отправили его на такси домой. Вместе с собакой.

— Такси вызвали с вашего телефона?

— Да. Но с таксистом расплачивался Слава.

— Потом?

— Слава сказал, что у него есть знакомый продавец в магазине, который сможет отovarить нас свиной тушенкой. А жена как раз собиралась со своей группой в лыжный поход...

— Вы поехали в магазин?

— Да. Потом пожалели об этом. Слава перетил, в магазин нас не впустили. Пришлось отвезти его домой.

— И в этот раз он расплачивался за такси?

— Нет. Сказал, что у него крупная купюра.

— Какая?

— Не назвал.

— Скажите, когда он появился у оврага, днем, у него были на лице свежие царапины?

- Были. Потом, в квартире, жена дала ему одеколон и пудру.
- Как он объяснил их происхождение?
- Около магазина, — сказал он, — какие-то парни пытались отобрать водку... И поцарапали щеку.
- Парни?
- Он сказал — «мальчишки».
- Больше не говорил об этом инциденте?
- Нет.
- Был спокоен?
- Даже напевал.
- Не припомните вы что-нибудь еще, относящееся к этому человеку?
- На другой день жена сказала, что Слава предложил ей купить у него кое-какие золотые вещи...
- Подробнее, пожалуйста.
- Подробности она не сказала. Объяснила только, что, когда были в квартире, он вынул из кармана какие-то золотые женские украшения. Жена увидела кольцо и цепочку. Он спросил: «Вам не нужно?» Жена очень удивилась: золотые вещи лежат в кармане просто так, не завернутые.
- Что она ответила?
- Денег нет...
- Вы слышали, что в тот день, четырнадцатого марта, произошло убийство мальчика в Вишулишкес?
- Я узнал позже. Дня через два.
- Вы не связали это преступление с царапинами на лице у Славы, с его предложением купить золотые вещи?..
- Мне и в голову не пришло! Кроме того, Слава весь день провел с Хомутовым. Отсутствовал только, пока ходил за выпивкой.
- Что он принес?
- Из выпивки? Две бутылки. Молдавский коньяк «три звездочки» и «Скайдрёйи».
- Вы знаете его фамилию?
- Потом узнал. Когда мы хотели пройти к его приятелю в магазин и его не пустили, он сказал администратору: «Передайте — приехал Борислав Паламарчук...»

Пройдет несколько лет.

Готовясь к совещанию лучших следователей прокуратуры

в Москве, Геновайте Шивене истребует хранящееся в Верховном Суде Литовской ССР уголовное дело 2—66/80 по обвинению Б. И. Паламарчука в убийстве несовершеннолетнего Геннадия Оливетского.

В конце дня, когда со срочными делами будет покончено, она включит кассету с записью последнего допроса обвиняемого.

« — Вы в состоянии давать показания? — звучит далекий, такой незнакомый, будто чужой голос. Это она, Шивене.

— Я совсем пал духом... — вздох.

— Можете отвечать?

— Могу.

— Понятно ли вам обвинение и признаете ли вы себя виновным?

— Да. Признаю».

Голос обвиняемого глухо звучит с магнитофонной пленки, переползающей с кассеты на кассету.

Из конверта Шивене достает фотографию обвиняемого: крупный лоб, очки. Голова Паламарчука склонена, а опущенные вниз глаза словно смотрят в сторону. Серый, невыразительный снимок. «Фотографии людей, которых нет в живых, похожи одна на другую, — Шивене кладет ее назад в подшитый к делу конверт. — Потому что чаще это репродукции с репродукций, увеличенные, с выпавшим из раствора крупным «зерном», нечеткие».

« — ...Когда Хомутов в то утро сказал, что собирается к другу — выпить, мне захотелось пойти с ним. Но у меня оставалось только восемь рублей, о которых знала жена. Нужны были деньги... И я решился. Впервые мысль эта пришла мне в голову, когда я с Юргисом был у брата... Удивительное дело, следовательно! Почему так? Когда садишься выпивать, думаешь и говоришь о честном, благородном... А кончаешь позорным, жутким!...»

Кассета чуть постукивает, вращаясь. У нее особая судьба — она обречена навечно остаться в уголовном деле.

« — ...В библиотеке я пробыл дольше обычного, чтобы потом библиотекарь подтвердила мое алиби. Хомутова с собакой отправил к Кутьину. А сам... Когда я подошел к двери, Геннадий как раз открыл ее, собирался уходить. «Далеко?» — спросил я. — «За тетрадами». На лестничной площадке никого не было, и во дворе меня тоже никто не видел. «Разреши я почищу

куртку — собака испачкала...» Он вернулся в квартиру. Дверь закрылась за нами обоими, как крышка гроба...

— Как вы узнали о золотых вещах?

— Я понял это из разговора с братом в тот вечер, когда сидел у него вместе с Юргисом. Я считал, что Геннадий тоже в курсе, но он до конца твердил, что ничего не знает. Я ударил его чем-то тяжелым, приказал искать в шкафу, в одежде. Он не сопротивлялся, только раз — и то случайно — задел меня по лицу. В вещах ничего ценного не было, попалась только мелочь: кольцо, цепочки. Пора было уходить. Я понял, что главного не нашел, что все зря. Взял утюг. Кроме злобы ничего не чувствовал, потерял рассудок...»

В этих показаниях для Шивене не было ничего нового. Разве только это:

« — Не помню, как приехал домой, что говорил сыну. Лег — и сразу отключился. Не знаю, сколько я спал. Только вдруг проснулся и почувствовал, что совершенно трезв. И так легко стало на душе: «Сон! Я спал! Все приснилось!» Это длилось мгновение. Потом затрясло: «Не сон!» Я оделся, пошел на Космонауту, к телефону. Со своего звонить не стал. Набрал номер. Чего бы я не отдал в ту минуту, чтобы все повернуть обратно! У брата долго не снимали трубку. Потом взял он сам: «Алло!» И замолчал. И я все вспомнил: «Было! Все было! Будь оно проклято! Будь проклят я сам!»

«И вот преступление раскрыто! — говорил Петраускас кому-то из молодых следователей. Геновайте и ее коллеги слушали. — Что тогда? Тихая радость? Удовлетворение? И только? Никогда! Никогда, запомните, нельзя нам повторить то, что сказал один из знаменитейших альпинистов, покоритель Аннапурны — Морис Эрцог! Хотя мы тоже берем вершины не меньше, чем тот восьмитысячник... — Джонни поискал в портфеле. Бумага не попадалась. Тогда он стал выбрасывать все, что лежало в нем. Он только что прилетел из командировки, давно не заглядывал в портфель. На стол полетели какие-то записи, сломанные авто ручки, засохшие бутерброды. — Вот! — он поднял листок. — «Резкий ветер обжигает лицо. Мы на Аннапурне! 8075 метров. Сердце переполнено бесконечной радостью. О! Если бы остальные знали! Если бы знали все... Цель достигнута! Но одновременно завершено нечто гораздо более величественное. Как

прекрасна теперь будет жизнь! Меня душит волнение. Никогда я не испытывал столь сильной и чистой радости...» Слышите? — Петраускас обвел всех черными прекрасными глазами. — Наша служба не похожа на спорт! Хотя ее никогда пытаются представить увлекательной погоней. Это не шахматный этюд и не интеллектуальный поединок...»

ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ.

Латинская юридическая фразеология

Наказание не может быть вечным, но вина пребывает вовек. Кассеты с записью допроса Борислава Паламарчука равномерно вращались. Иногда обвиняемый надолго умолкал, тогда слышалось только его тяжелое дыхание. В одной из пауз пропищали сигналы точного времени: во время допроса оказалось невыключенным радио. Начались последние известия. «Сделайте, пожалуйста, громче!» — попросил Паламарчук. Голос диктора попал на пленку: «...в Вильнюсе ожидается дальнейшее распространение теплой погоды. К вечеру давление будет слабо падать, влажность уменьшится».

Видимо, она выключила радио. Некоторое время кассеты вращались бесшумно. И вдруг:

«Следователь! Прошу вас... Вы спасете мне жизнь?»

Но это все потом...

ПЯТНАДЦАТОЕ МАРТА. МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ.

Окончание осмотра

Начинало светать. Шивене подошла к окну. Над светлой полосой неба у горизонта еще лежала темнота.

Следователю стало ясно, почему бурые пятна встречались по всей квартире. «Мальчика заставляли открывать шкафы и ящики, показывать их содержимое... Чтобы самим не оставлять отпечатков». Она склонялась к мысли, что преступник или пре-

ступники несколько раз переходили из комнаты в комнату и вместе с ними двигалась их обессиленная жертва.

— Гражданин следователь! — позвал хозяин квартиры.

— Почему вы все время называете меня «гражданин следователь»? Вам приходилось быть под следствием?

— Ни разу.

— Тогда почему?

По лицу Паламарчука скользнуло недоумение:

— Но по телевизору, в кино... Я думал — так надо!

— «Гражданин» — это для тех, кто осужден.

— Я ничего в этом не понимаю, следователь! Но вы должны его найти! Нельзя позволить! Это не человек!

Телефонный звонок прозвучал слишком резко, оттого что вокруг — в квартире и за окном — была тишина.

Шивене выждала.

Первый... Второй... Третий!...

Если кто-то из инспекторов, сейчас он должен положить трубку и позвонить снова.

Четвертый... Пятый...

Шивене показала Паламарчуку, чтобы он подошел, сняла трубку, поместила между ним и собой. Хозяин квартиры мог говорить, следователь — слушать.

— Алло! — всей болью выдохнул Паламарчук, словно ночной неожиданный звонок нес облегчение. — Алло!

На другом конце провода не вешали трубку. Пять секунд. Десять... Шивене напряженно вслушивалась. Тягостное молчание. Вдруг ей показалось, что она слышит в трубке какие-то толчки. Так, прижав к уху руку, ощущаешь стук собственного сердца. Кто-то слушал... Не уходил. Потом послушались гудки. Иллюзия бывшего сердца исчезла.

На месте происшествия Шивене вынесла постановление о возбуждении уголовного дела...

«Мы найдем преступника! — она думала об этом холодно, почти бесстрастно. — Он предстанет перед судом. Я обещаю».

Словин Л. С.

С 47 Без гнева и пристрастия: Повести.— М.: Недра, 1991.— 587 с.— (Мастера советского детектива/Редкол.: А. В. Муравьев и др.)

ISBN 5-247-02989-5

Представлены остросюжетные произведения известного советского писателя, мастера детективного жанра Леонида Словина: «Транспортный вариант», «ЧП в вагоне 7270», «Обратный след», «Из хроники кладбища «Шмерли», «Без гнева и пристрастия».

Для широкого круга читателей.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ДЕТЕКТИВА

Словин Леонид Семенович

БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ

Редактор издательства *Е. И. Брагина*
Технический редактор *Н. С. Алашкина*
Н/К

Сдано в набор 5.09.91. Подписано в печать 1.11.91. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24. Тираж 100 000 экз. Заказ 765. Цена 8 р.

Издательский центр «Свет». Москва
Ордена «Знак Почета» издательство «Недра»
125047 Москва, Тверская застава, 3

Можайский полиграфкомбинат Министерства
печати и массовой информации РСФСР
143200 Можайск, ул. Мира, 93

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ

В серии «Мастера советского детектива» в 1991 году вышли в свет шесть книг таких известных писателей, как:

Аркадий Адамов «Дело пестрых» и «Со многими неизвестными»

Николай Леонов «Трактир на Пятницкой» и «Опасная профессия»

Леонид Словин «Без гнева и пристрастия»

Сергей Устинов «Можете на меня положиться».

В 1992 году в этой серии планируется выпуск десяти книг. Это избранные произведения мастеров детективного жанра А. Адамова, Л. Словина, А. Ромова, С. Родионова, Н. Псурцева и В. Пронина, а также остросюжетные повести Ю. Семенова «Петровка, 38», «Огарева, 6», «Противостояние» и Н. Леонова «Мент поганый».

